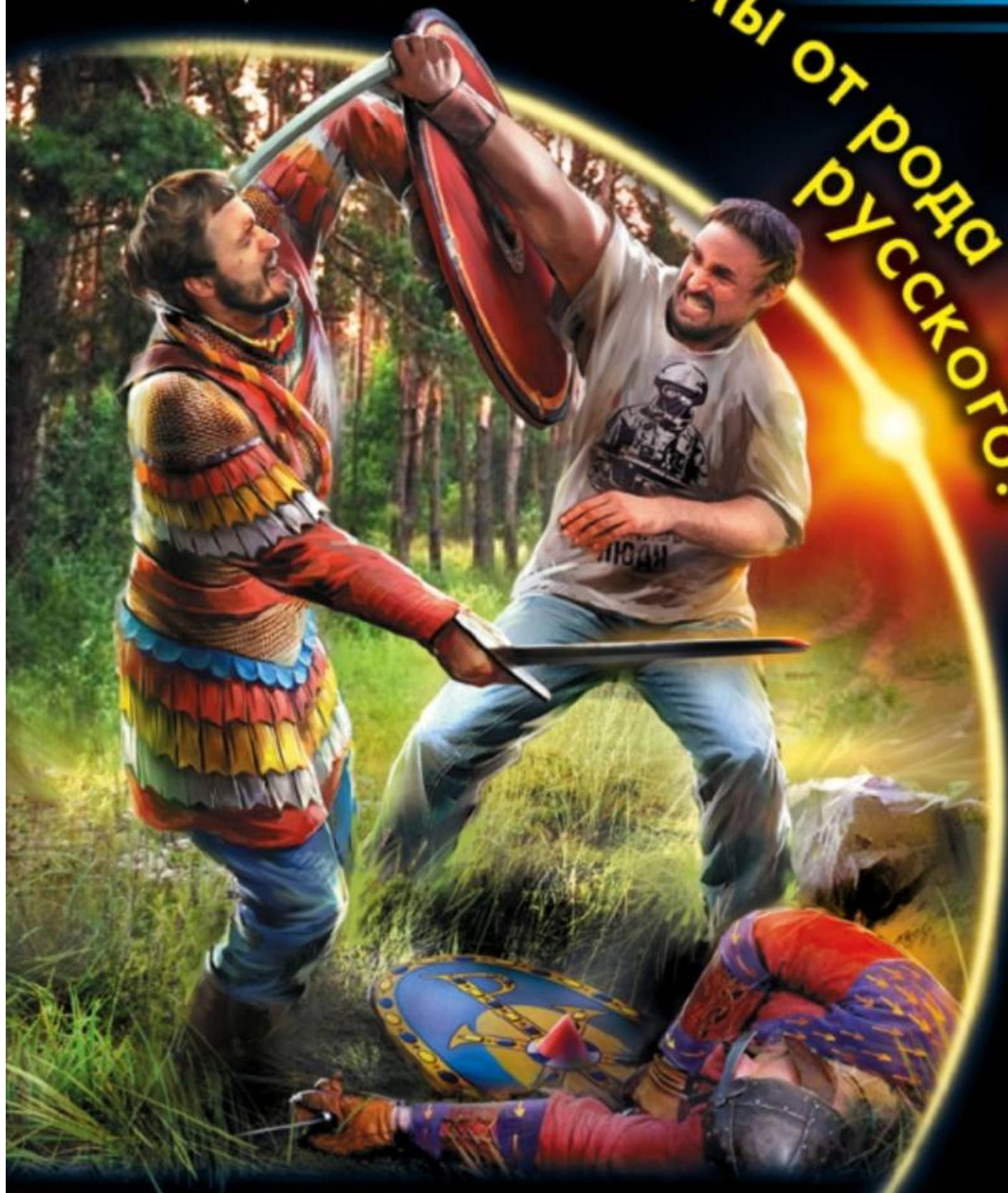

ПО ЗАКОНУ

МЕЧА

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

**МЫ ОТ РОДА
РУССКОГО!**

Валерий БОЛЬШАКОВ

Валерий Большаков

По закону меча

«Автор»

2026

Большаков В. П.

По закону меча / В. П. Большаков — «Автор», 2026

Личный квест Олега Сухова, кузнеца, воина и нашего современника, продолжается. Попав в девятый век, он не просто сумел выжить, а добился уважения в дружине конунга Рюрика. И вот новая напасть — некая сила будто стремится вернуть Сухова обратно, в «родное время». Жаль, не добрасывает — Олег с другом Шуркой Пончиком оказываются в веке десятом. Без оружия, без друзей, без возлюбленных. И вновь Олег Сухов делает свой выбор — все начинает с нуля, пробивается наверх, добывая мечом славу и золото, влюбляется до безумия и отправляется в поход на Константинополь...

© Большаков В. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Валерий Большаков

По закону меча

Валерий Большаков

По закону меча. Мы от рода русского!

Пролог

Багдад, 299 год хиджры (921 год от Р. Х.)

Утром, в час первой трапезы, Евлогий Комнин степенно прогуливался вдоль берега Тигра и поджидал своих высокоученых друзей – Аббаса Хаддада и Абула ибн-Казира. Оба были знатоками «ал-арисматики» и «ал-джебры», но Евлогия они интересовали исключительно как особы, приближенные к халифу. Аббаса с Абулом стоило лишь разговорить – болтливые и несдержанные, они выдавали массу ценнейших сведений, полезных для базилевса Ромейской империи,¹ которому Евлогий давно и верно служил, подвизаясь на поприще тайных дел.

Одетый в белоснежную галабийю² и головной платок, с посохом в загорелой руке, Комнин походил на библейского пророка. Его арабский выговор был чист, репутация безупречна. Никому даже в голову не могло прийти, что Евлогий – джасус, то бишь шпион.

Строгое лицо Комнина, осмугленное солнцем, черная бородка с примесью седины, плотно сжатые губы и твердый взгляд, драгоценные четки, перебираемые пальцами левой руки, – все рисовало в воображении встречных натуру властную, вспоенную сурами Корана. Иные из прохожих даже кланялись ему, принимая за особу духовного звания.

Сощурившись, Евлогий Комнин огляделся и скривил рот в раздражении. Велик был Багдад! В громадном городе проживал миллион человек – вдвое больше, чем в Константинополе. Могуч был халифат, но тем ценнее любая победа над этими сыновьями юга, тороватыми и заносчивыми, опасными и коварными, обложившими Византию и грозящими ей великими бедами.

Комнин внимательно огляделся кругом, прикрыл глаза, и зашептал, частя и глотая звуки: – Господи Иисусе, прости мя за невольное услужение богу нехристей! Не корысти ради, а токмо во спасение веры истинной кладу поклоны. Пресвятая Матерь Богородица, услышь мя и помилуй!

Комнин сокрушенно покачал головою. Ах, знал бы кто, как тяжело бывает кланяться Аллаху и возносить священные формулы мусульман! Ему бы к светлому образу Богоматери припасть, испытать серафический жар и мистический восторг под куполом собора Святой Софии, но судьба разведчика сурова. Первая заповедь шпиона – быть как все. Не выделяться, раствориться в массе, таить истинное лицо свое под чужою маской, ненавистной и богопротивной.

Ромей сгорбился и поплелся дальше вдоль берега Тигра.

Набережная была застроена огромными зданиями, порою доходящими до восьмидесяти локтей³ в высоту. С нишами-айванами и угловыми башенками, с резными решетками на окнах и цветными куполами, дома создавали образ блеска и роскоши, чарующей тайны и восточной

¹ Ромейская империя – верное название для Византии. Базилевс – император.

² Галабийя – длинное, просторное одеяние, традиционное для арабов-мужчин.

³ Локоть – мера длины, 52 см.

неги. Евлогию представились черные глаза красавиц за узорчатыми загородками, масляный блеск золота в неверном свете лампад... Пышные опахала пальм над глинобитными оградами лишь подбавляли яркости первому впечатлению.

Народу на улицах хватало – богатых горожан в длиннополых халатах, с краями, оплетенными разноцветной тесьмой, торговцев с закрученными в жгуты кушаками, ученых с тайласанами – покрывалами из верблюжьего подшерстка, ниспадающими с голов на спины и завязанными узлами на груди, слушателей медресе в чалмах со свисающими концами, ремесленников в стоптанных туфлях на босу ногу и халатах едва до колен. Все шли пешком или понукали смиренно-безразличных ишаков – верхом на коне имел право ездить только один человек. Халиф.

Царственно опираясь на посох, Комнин обогнул колодец за четырьмя арками и столкнулся со здоровенным молодчиком в шароварах и безрукавке на голое мускулистое тело. Голову молодчика обматывала грязноватая чалма, а могучую талию – порядком засаленный пояс, за который был засунут кривой кинжал джамбия.

– Стой, – лениво проговорил молодчик, кладя ладонь на рукоять кинжала. – Ну-ка, дай сюда четки...

Комнин смиренно протянул затребованное. Его немытый визави повертел четки в руках и поинтересовался:

– Дорогие?

– Не дешевые, – кротко ответил ромей.

– Ага... Теперь вытряхивай дирхемы с динарами,⁴ и я оставляю тебе жизнь!

– А я тебе – нет.

Пока до грабителя доходил смысл сказанного, Комнин обхватил посох двумя руками, крутанул и разъял его на две половинки – в левой руке остались пустотелые «ножны», а в правой сверкнул узкий клинок. В тот же миг жало вошло в молодое, налитое здоровьем тело багдадского лиходея, погрузившись на всю длину, и вышло, смазанное кровью. Молодчик рухнул к ногам Комнина. Евлогий аккуратно обтер лезвие об истрепанные шаровары, заученным движением собрал свое потайное оружие. Наклонившись, он поднял четки, оброненные убитым. Отошел подальше. Остановился и стал смотреть – на реку, на колыхание мутных вод, на тот берег, всеми силами глуша греховную радость убийства.

Вниз по течению плыли большие серые чайки. Порою, потревоженные идущими с низовой барками, птицы начинали резко, негодуя орать и поднимались в небо.

За рекой был виден Ар-Русафа, загородный дворец халифа, и «Дворец вечности» – Каср ал-хулд, окруженный прекрасными садами и рощами финиковых пальм. Поближе к владыке правоверных переселились многие, целые кварталы выросли рядом с палатами его святейшества – Ал-Мухаррам и Аш-Шамассия. Туда через Тигр вел длинный лодочный мост, выше по течению виднелся еще один – подвесной.

– Досточтимый Халид! – воскликнул чей-то бодрый голос, называя Евлогию его арабским именем.

«Мои болтунишки!» – подумал Комнин, обернулся и увидел Аббаса с Абулом, затянутых в светлые халаты. Ученые гордо несли чалмы верных суннитов, в четыре витка накрученных на головы.

– Салям алейкум, – поздоровался ромей.

– Алейкум ассалям!

Ученые приблизились и с ходу повели прерванную с вечера дискуссию. Речь шла о числах «совершенных» вроде шестерки, об «избыточных», как двенадцать, о «недостаточных» типа восьмерки, о «телесных», «пирамидальных», «фигурных», «дружественных»... Чокнуться

⁴ 6 медных даников составляют 1 серебряный дирхем. 35 дирхемов равны 1 золотому динару.

можно! Евлогий получил блестящее образование, изучив тривиум и квадриум,⁵ но этого запаса знаний ему явно не доставало.

– Единица не есть число, – утверждал Аббас, – она начало и основа числа, а потому неделима.

– Истинная единица неделима, – соглашался с ним Абул и тут же начинал спорить: – Но единица, применяемая в наглядных примерах, называется ею условно. При взвешивании и измерении объемов, площадей и длин единица подразделяется на большое число частей при помощи деления: такая единица состоит из более мелких единиц...

Ученые бурно заспорили, вернулись к фигурным числам – «плоским квадратным» и «плоским продолговатым», потом перекинулись на «дружественные».

– А вы знаете, – оживленно заговорил Абул, – что сам Абу Камил ныне в Багдаде? Он приехал с караваном из Фустата, дабы посетить Дом мудрости.⁶

– Абу Камил Шуджа ибн-Аслам ибн-Мухаммад ал-Хасиб ал-Мисри, – торжественно сказал Аббас, – имеет светлый ум и быстрый рассудок. Вы знакомы с его «Книгой об ал-гебре и ал-мукабале»?

– Почтенный Абу Камил сильно продвинул учение великого Аль-Хорезми, – блеснул знаниями Комнин, – он изображал отрезками прямой и само число, и неизвестную величину первой и второй степеней.

– А давайте навестим его? – загорелся Абул. – Абу Камил живет в Круглом городе, я знаю, где он остановился.

– Тем более что нам по дороге, – тут же согласился Аббас. – Надо заглянуть к диван-беги,⁷ он просил уточнить кое-что насчет ширваншаха.

– Ширваншаха?⁸ – делано удивился Комнин. – С каких это пор в диване интересуются отступниками из Ширвана, отринувшими власть халифа правоверных? Или готовится война?

– Готовится, – хихикнул Абул. – Только чужими руками!

– О-о... – молитвенно закатил глаза Комнин. – Как я завидую порой вашей близости к престолу! Быть доверенными высших лиц, вращаться в их обществе, касаться тайн, недоступных простым смертным...

– Ах, что вы такое говорите, досточтимый Халид, – пробормотал Абул, весьма, впрочем, польщенный. – Какие тайны... Просто вчера прибыл гонец с Хазарской реки⁹ и принес любопытную весть – воинственные руси собрались в поход на Ширван.

– Что вы говорите! – воскликнул Комнин.

– Да-да-да! – вступил Аббас. – Русы уже спускаются по реке и скоро нагрянут на земли ширваншаха.

– О-о... – протянул Комнин, быстро соображая. – Но это опасно для земель халифата, не так ли? Русы постоянно нападают на наши города в Мазарандане и Табаристане,¹⁰ жгут и грабят, насилюют женщин и режут мужчин...

– Все правильно, – захихикал Абул. – Но в этот раз визирь принял мудрое решение – позволить русам жечь и грабить отпавший Ширван! Пусть режут воинов шаха – сколько смогут, пусть силою берут женщин за рекою Кур – сколько захотят. Халифу выгодно ослабление ширваншаха...

– Мудро, – согласился Евлогий. – И много тех русов?

⁵ Тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадриум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) составляли «семь свободных искусств» – высшее образование для того времени.

⁶ Дом мудрости (Бейт-аль-Хикма) – культурный центр, исламская академия, основанная в Багдаде.

⁷ Диван-беги – начальник дивана, арабского присутственного места.

⁸ Ширваншах – титул правителя Ширвана (северо-восточный Азербайджан).

⁹ Хазарская река – Итиль, ныне Волга.

¹⁰ Районы в Южном Прикаспии.

– Эмир из страны Рус собрал дружину и выйдет в Абескунское море¹¹ на шестнадцати ладьях. Это... – Аббас посчитал в уме и выдал число: – Почти полторы тысячи воинов, умелых и ненасытных в золоте, любви женщин и крови врагов.

– Один эмир и один коназ, – поправил друга Абул. – Сам Халег, сын Ингара, царя Куябы, отправился в сей поход.

– Это точно? – насторожился Комнин.

– Абсолютно! – заявил Аббас с непрекаемостью имама мечети.

– Вы говорили, что ослабление ширваншаха выгодно нам... А разве убить коназа Халега не выгодно? Ведь русы держат в страхе все побережье – от Джурджана до Гиляна!

– Верно, – снисходительно сказал Абул, – но этим можно поступиться, ибо русы суть главные противники Кунстантинии,¹² грозящие румам с севера. А враг нашего врага – наш друг.

– Пусть даже такой шkodливый, как руси! – засмеялся Аббас.

Воистину, подумал Комнин, болтун – враг тайны...

Переговариваясь, троица приблизилась к стенам Круглого города – Ал-Мадина ал-Муд-давара, ядра Багдада. Его внешние стены из сырцового кирпича поднимались на высоту хорошего тополя, а башни возносились еще выше. Минешь ворота, пройдешь шагов сорок – вторая стена встает. За нею по окружности шла улица, переулками деля кварталы на сегменты.

Ученые свернули направо, однако Комнин уже расхотел наносить визит Абу Камилу.

– Ах, я беспамятный! – неожиданно запричитал он. – Совсем забыл навестить больного друга! Старый Катир ибн-Сабит живет один с дочерью, он ждет от меня помощи и участия. Простите меня, друзья, но нам не по дороге – долг зовет!

– Долг превыше всего, – согласился Аббас.

– Передавайте вашему другу наши пожелания здоровья и долголетия, – добавил Абул. – Да поможет ему Аллах!

Трое раскланялись и разошлись – ученые направились по улице, горячо обсуждая способы измерения земного шара, а Комнин пошагал к центру города.

Евлогий прошел воротами, над коими вздымалась на полета локтей башня караулханы. Прямо от нее к центру города вела длинная галерея, перекрытая полусотней сводчатых арок. Стражник шагнул из тени и грозно спросил:

– Куда направляешься?

– Иду в гости к другу, коего приютит брат халифа, да умножит Аллах лета жизни защитника правоверных!

– Проходи, – смилостивился страж и скрылся в тень.

Евлогий убыстрил шаг и покинул сводчатый переход на большой площади. Ее замыкали в кольцо семь присутственных мест-диванов, мечеть Ал-Мансура и дома родичей халифа, а в самой середине возвышался Аль-Кубба аль-Хазра – «Зеленый купол», один из дворцов халифа. Палаты владыки полумира были в самом деле увенчаны блестящей зеленой полусферой, достигавшей восьмидесяти локтей высоты, а на самой ее макушке блестела позолотой фигура всадника с копьём. «Да, умеет жить халиф...» – в который раз подумал Комнин.

Пройдя во двор дома Мухаммада ал-Кахира, брата халифа, Евлогий убедился, что тот живет не хуже. Прямоугольное зеркало бассейна занимало всю середину двора и светилось блеклой синевой летнего неба. Между краями бассейна и зелеными полосками стриженных мирт были оставлены узенькие проходы. Зелень обрамляла аркадумавазин, и получалось, что аркад было две – одна всамделишная, а другая, точно такая же, только перевернутая, отражалась в мерцающем водоеме. И до чего ж они легкие, эти аркадки! Их подпирали тонкие

¹¹ Абескунское море – оно же Гурганское, Хвалынское и Каспийское.

¹² Кунстантиния – Византия. Румы – ромеи, потомки римлян и греков, византийцы.

колонки, а каждая арочка была заключена в узорную раму. В орнамент рамы вплеталась вязь арабских букв. «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его» – эти слова повторялись и повторялись, а сам узор сменял свои мотивы с четкостью и последовательностью алгебраической формулы. Лазурная, алая и золотая краски то сплетались в завитках, то разбегались линиями...

Между колонками поблескивали тонкие струйки фонтанов. Комнин прочел замысловато свитую надпись на мраморной чаше: «Смотри на воду и смотри на водоем, и ты не сможешь решить, спокойна ли вода или струится мрамор...» Да уж...

А за водоемом открывался сам дом, обширный и богатый, отданный ал-Кахиром во временное пользование Катару ибн Сабиту – за известные лишь им двоим услуги (Катар спас брата халифа – увел из засады, которую сам же и устроил). Комнин усмехнулся. Знал бы ал-Кахир, кого он пригнул! Имя Катару ибн Сабита было одним из многих, взятых не старым еще Игнатием Фокой, агентом Комнина в арабских землях. Игнатий имел титул спафарокандидата и мог спокойно обитать в Константинополе, отбывая непыльную службу при дворе императора. Но скука гнала его с берегов Золотого Рога на берега Нила и Тигра, где Фоку поджидали опасности и труды. Комнин хорошо понимал Игнатия – сам был такой же...

Между изящных колонн промелькнула фигура женщины, и Евлогий облизнул внезапно пересохшие губы – к нему приближалась Елена Мелиссина, напарница Игнатия. Нет, она не помогала Фоке сносить трудности, она командовала им. Елена была главной в неразлучной паре, играя роль дочери. Одиноким мужчина поневоле вызывает подозрения, но кого тревожит присутствие отца с дочкой? Впрочем, называть Игнатия мужчиной можно лишь в прошедшем времени – Фока добровольно оскотил себя, дабы спасти душу. Тем лучше для Елены – молодой, умной, коварной, изобретательной, жестокой... и невероятно красивой женщины. Вот уж кого Комнину не понять! Мелиссина принадлежала к богатому и знатному роду, с рождения будучи причисленной к самому высокому придворному рангу, являясь зоста-патрикией. У нее было все, что нужно женщине для счастья, – деньги, роскошный дом в Константинополе, огромное поместье за городом. Казалось бы, живи и радуйся! Шей самые вычурные наряды, закатывай пиры, и пускай твои капризы наперегонки исполняют мужи, приближенные к базилюсу. Так нет же – Елена ударилась в политику, отдалась той ее тайной составляющей, которая подпитывает в базилиусе уверенность в победе или предупреждает о возможном поражении. Женщина стала разведчицей, тенью шествуя за Игнатием и направляя его.

– Салям алейкум, Халид, – поздоровалась Елена, выходя из-за аркады, и Комнин затрудненно сглотнул. Перед ним стояла не просто женщина, а сама суть ее пола, возбуждая страсть любым движением, гримаской или словом. Елена была закутана в тонкую накидку, из-под которой выглядывали шаровары, но драгоценная везарийская ткань не могла скрыть узенькой талии – легко обнимешь двумя сомкнутыми ладонями! А этот восхитительно-крутой, амфорный изгиб бедер?! А великолепные длинные ноги?! А грудь – вызывающе высокая, неколебимо тугая?! А эта шея, плечи, руки, воронья волна волос, склонных виться!

Лицо Елены скрывала полумаска, привычная для восточной женщины, но даже взгляда огромных черных глаз было довольно, чтобы вождеть.

– Салям... Лейла, – кривовато усмехнулся Комнин. – Где Катир?

– Он дома. Позвать?

– Не нужно. Я буду говорить с тобой. Есть новое задание.

– Мы готовы исполнить все, что нужно.

– Я не сомневался... Ты бывала в Руси?

– Именно бывала. С купцами из Херсонеса поднималась по Борисфену до крепости Самбат – арабы называют ее Куябой, славяны кличут Киевом, а русы – Кенугардом.

– Блестящие познания...

– Смеетесь?

– Нисколько. Язык русов знаешь хорошо?

– Мм... Ну, не так чтобы очень, но объяснить, чего я хочу, смогу.

– Отлично... Не удивляйся, что я заговорил о русах, находясь в сердце халифата...

Комнин пересказал Елене новость, услышанную от Абула с Аббасом, и продолжил:

– Арабы для нас – враг номер один, но если мы упустим из виду русов, то в недалеком будущем северяне займут место южан. Русы уже прямо и явно угрожают империи. Несколько раз они подходили к стенам Константинополя, но пока Бог миловал... А что случится завтра? По Борисфену проходит большой торговый путь, как русы говорят – «из варяг в греки». Так вот, по всему этому пути живут разные племена – галинды, лензанины, вервиане, северии, славяны... Кого-то из них русы подчинили своей власти, с кого-то требуют дань, с кем-то находятся в союзе. Русов мало, но они берут не числом, а умением и силой духа. Ты могла их видеть при дворе базилевса, поскольку русы составляют цвет этерии.¹³ Мы их прозываем варангами...

– О-о! – сказала Елена впечатленно.

– Вот именно... Так вот. Если русам-варангам удастся сплотить под собой все племена и создать единое государство, ромеи окажутся между ними и арабами, между жаркой наковальной с юга и ледяным молотом с севера. И тогда нам не выдержать натиска с обеих сторон. Выход один – упреждать русов, останавливать их на пути к господству. Все это я говорю для того, чтобы ты поняла важность задачи – надо будет убить Халега, сына царя Ингоря, что правит в Самбате и окрестных землях. Только не путай его с другим Халегом!

– Их двое? – удивилась Елена.

– Есть великий князь Халег, прозванный Ведунум. Он правит далеко на севере, откуда к нам привозят меха. Ведун стар, но рука у него твердая. Не зря его титулуют не простым князем, а великим. Когда его друг, князь Рюрик, умер, то сына своего Ингоря он доверил Халегу Ведуну, и тот с малолетства воспитывал мальчика. Увы, насколько Ведун велик как государственный муж, настолько он мал как воспитатель – Ингорь вырос крепким и здоровым, но дух его слаб, а ум не быстр. Зато его сын, которого Ингорь назвал Халегом в честь своего приемного отца, обещает перерости родителя... и сильно усложнить нам жизнь.

Если не станет Халега, сына Ингоря, не будет кому унаследовать венец. Ингорь – неумелый и неудачливый государь. Славинские князья сменят его на киевском престоле, и тогда весь юг Руси долгие годы, если не века, терзаем будет смутами и междоусобицами. Князья начнут раздирать единую землю на уделы, чтобы самим править на клочках разорванной страны, великой и обильной. Вот наша цель! И добиться ее можно ценой всего одной смерти! Признаюсь, это не моя выдумка, умные люди в Константинополе давно вынашивают план убиения Халега, еще с той поры, когда русы напали на Таматарху.¹⁴ Тогда Халег показал себя неплохим стратегом, в отличие от отца, хоть и молод годами. Этой зимой я получил тайный приказ самого базилевса – Его Божественность требовал найти и уничтожить Халега... Долго я думал, как исполнить высочайшее повеление, а тут такая удача – сын Ингоря сам идет к нам в руки!

– Я поняла, – серьезно сказала Елена. – Когда нам отправляться?

– Сегодня же. Берите лучших коней и скачите в Ширван, за реку Куру. Понимаю, что сложно будет найти русов и вовремя пересечь их путь, но попробовать надо. Думаю, варанги поступят как всегда – начнут грабить Ширван с Нефтяного берега.¹⁵ Попробуйте встретить

¹³ Этерия – личная гвардия императора.

¹⁴ Таматарха – города в Тамани, построенный на развалинах эллинских колоний Фанагории и Горгиппии. В летописной традиции его именуют Тьмутараканью, хотя вернее было бы – Тмуторокан. Имеются смутные свидетельства того, что у князя Игоря (Ингоря) действительно имелся наследник – Олег (Халег или Хельгу), якобы погибший при защите Тмуторокана в 925 году.

¹⁵ Нефтяной берег или Нафта – это полуостров Апшерон и побережье у Бакинской бухты, где в древности добывали нефть, используя ее и как важный компонент для зажигательных смесей, и как лекарство.

их там. Если не получится, совершите вторую попытку, ибо русы обязательно поднимутся по Куре. Знать бы куда...

– Это мы выясним на месте! – решительно заявила Елена. – Что-то еще?

– Да... У тебя останется и третья попытка. Помнишь, сколько было разговоров о пропавшем караване рахдонита¹⁶ Гаддиила бен Халева? Его верблюды везли из Поднебесной империи много шелка. Караван вышел из Самарканда и словно растворился. Так вот... Ни верблюдов, ни купцов не осталось – их кости давно заметены песком. Но шелк цел. Вся драгоценная ткань сложена в странноприимном доме при храме Пресвятой Богородицы в Итиле, столице Хазарского каганата. Впрочем, властвует в Хазаране отнюдь не каган, а правитель-иша. Нынче в иши выбился Аарон, сын Вениамина. Он очень жаден и русов не любит, на этом и сыграй. Посули ему шелк рахдонита в обмен на избиевание русов. Варангам деваться некуда, у них единственный путь домой – по Итилю, запертому хазарами. Власть иши держится на мечях арсиев, наемников из Хорезма. Даст им приказ иша – истребить русов! – и те с удовольствием исполнят его. Во-первых, добычу русы приволокут знатную, во-вторых, арсии как бы отомстят за братьев по вере...

Елена Мелиссина долго смотрела на опадающие струи фонтана, потом повернула голову к Комнину и твердо сказала:

– Можете считать, что задание выполнено. Я убью Олега!

Часть первая

«ИЗ АРАБОВ В ВАРЯГИ»

Глава 1, в которой Олег Сухов предается воспоминаниям, бродя душою по местам боевой славы

Хвальинское море, 864 год от Р.Х.

Вечерело, но купцы не спешили приставать к берегу на ночевку – беспокойные были места. Десять пузатых кнорров проходили в прямой видимости восточного берега, где кочевали воинственные гузы, а караван не сопровождали боевые лоды.¹⁷ Конунг Рюрик Альдейгьюборгский¹⁸ выделил по пятерке воинов на каждый корабль – и ему выгодно, и купцам спокойно, да только маловато полусотни, не сдержать им алчности степняков. Вот если бы гузы заприметили костры, разведенные небольшой дружиной, хотя бы мечей в пятьсот, тогда бы они обошли стороной опасных пришельцев, а так...

И приходилось экипажам одолевать морской простор не сходя на твердую землю, не отдыхая на стоянках. Опытные кормщики вели корабли по звездам, по солнцу, держа в памяти все течения и мели, сравнивая на вкус соленость воды. Там, где в море впадала обильная Аму,¹⁹ зовомая ромеями рекою Окс, влага морская была почти что пресной. А дальше к северу вода все более горчила.

Впрочем, купцы не расстраивались – их дела шли хорошо и даже лучше. Прибыв с грузом рабов, воска и мехов в русскую факторию, что в городе Абесгун, торгаши живо распро-

¹⁶ Рахдонит, букв. «знающий пути» – богатый хазарский купец, ведущий торговлю шелком. Элита каганата.

¹⁷ Лодья – боевой корабль варягов (скандинавы говорили – lodje), могла достигать 40 метров длины и неслась на себе 100-120 человек. Кнорр – скандинавский торговый корабль.

¹⁸ Автор придерживается версии, что в 860 году жители Альдейгьюборга (ныне Старая Ладога) призвали на княжение Рорика (Рюрика), сына Регинхери, рейкса из Старигарда (ныне Ольденбург), что в землях вендов – Вендланде (Южная Прибалтика).

¹⁹ В то время Амударья впадала в Каспийское море, протекая по руслу нынешнего Узбоя, а само море занимало большую площадь, чем ныне.

дали весь свой товар, получив сумасшедшую прибыль. Ох, недаром арабы-сарацины из жаркого Сёркланда²⁰ так стремились на север, обильный мехами. Покупая соболей за серебряные дирхемы, они продавали драгоценные шкурки по сто, по двести золотых динаров! И очень не любили арабские купцы конкурентов из холодной Руси. Да только варяги не больно-то интересовались их мнением, а когда сарацины начинали наглеть, являлись целой флотилией. Грабили Абесгун, Сари, Дайлем, Гилян. Жгли, насильничали, убивали... Короче говоря, наводили такого страху, что арабы долго ходили как шелковые и ласково улыбались купцам из русов...

* * *

– Слава Эгеру,²¹ – пробурчал подкормщик Гунастр Вепрь, – слава Ран... Ветер меняется, задувает моряна с юга. Хорошо пойдём!

– Эгей! – крикнул кормщик, не выпуская из рук рулевое весло, опущенное за правый борт. – Суши весла! Ставь паруса!

Гребцы довольно заворчали, со стуком вытягивая из лючков гребни с узкими лопастями. Кнорр – не лодья, вся середка отдана товарам. На кнорре гребут лишь с носа и кормы, приподнятыми над волнами, а посему все весла длинные и тяжелые. Намаешься их тягать, особенно когда задует северный ветер – на Нефтяном берегу ему дали название «хазри».

Олег Сухов, молодой гридень²² из дружины Рюрика, прозванный Вещим, довольно потянулся, помахал руками, утоляя боль в натруженных мышцах, и присел на бочку у самой мачты. Мачта поскрипывала, шкоты и штаги, плетенные из кожаных ремешков, гудели, натянутые пухлым парусом, мелкая волнишка игриво шлепала в борт. Хорошо!

– Устал? – спросил Пончик участливо, опускаясь рядом. Александр Пончев отвечал своему прозвищу на все сто – был он румян, почти в меру упитан и плотен, даже так – пышковат. Пять лет назад Олег и Шура были просто знакомы, находились в приятельских отношениях, но события невероятные и фантастические сдружили их накрепко – обоих переместило из двадцать первого в девятый век, в эпоху викингов и варягов...

– Да нормально... – лениво протянул Олег. – Помню, три года назад, когда Париж брали, вот тогда я выдохся вчистую. Восемь часов гребли! Ярлы²³ наши, и те умаялись...

– Слушай, расскажи мне про тот поход, – сказал Шурик.

– Да я ж тебе уже рассказывал!

– Ну-у, когда это было-то... Может, ты еще какие подробности вспомнишь. Повествуй, давай!

– Да чего там повествовать... – отмахнулся Сухов с легким небрежением. – Обычный пиратский рейд. Напали на Лондон, пограбили всласть, еще и виру с короля требовали. Потом в Париж нагрянули... Париж! – фыркнул Вещий. – Такая же большая деревня, как и Лондон. Грязи по колено, а уж архитектура... Сразу и не поймешь, где избушки, где хлева...

– Расскажи! – заныл Пончик.

– Достал ты меня, коновал... – Олег вздохнул преувеличенно тяжко, подумал и начал: – Рюрик тогда всех конунгов окрестных собрал и свободных ярлов – с озер Ильмерь и Вель, из Бьярмов, из Хольмгарда, Алаборга, даже из Суждала, Сюрнеса и Полтеска.²⁴ Свели вместе

²⁰ Сёркланд – страна сарацин, то есть арабов. Так на севере называли земли Халифата.

²¹ Эгер и Ран – морское божество с супругой, матерью девяти дев-волн.

²² Гридень – воин, рядовой дружины-гриди (по-свейски – грид, по-норегски – хирд).

²³ Конунг – выборный король. Ярл – личный титул, тождественный графскому. Хевдинг (хёвдинг) – вождь, военачальник.

²⁴ Обычно под Хольмгардом принято понимать Новгород, однако в IX веке Новгорода еще не существовало, а вот Хольмгард был. Правда, неясно пока, где он стоял. Возможно, в Поневье. Современное Суздаль – это переименованное название мерянского града Суждал. Алаборг – это, скорее всего, Олонец. Бьярмы – Приозерск. Полтеск (Полтескьюборг) – Полоцк. Сюрнес – богатый город на берегу Днепра неподалеку от впадения в него Катыни – реки, где начинался Верхний волок, соединявший Днепр с Ловатью и Зап. Двиной.

лодий двести. Считай, на каждой по сто-сто двадцать человек. Сила! И мы ж еще схитрили – с осени пришли к Старигарду, да там, у вендов, и зазимовали. А по весне, когда у нас еще везде лед недвижим и снегу навалом, вышли в море – юг же! Ну, прошли мы узостью между швейским и датским берегами, и сделали поворот...

* * *

...Обогнув Ютландию, корабли русов вышли в Западное море – в Европе его прозывали Северным. Атлантика зябко дышала в паруса армады, валила жидкими холмами, до реев взбрызгивала холодной пеной. День брызгалась, другой...

– Земля! – закричал с мачты Большой Валит, с палубы похожий на тощего медведя, влезшего на сосенку. – Вижу землю!

– Англанд! – довольно рявкнул конунг Лидул Соколиный Глаз. – Ага... Слазь, Валит! Уже и так видно.

Тонкая полоска прорезалась на горизонте. Лезвийной толщины неровность отделила сушу и воду, положила небу край.

– На фалы и шкоты! – разлетелась команда.

Флот выровнял строй, нацеливая носы в эстуарий Темзы, и последовал в бейдевинд левого галса – сбоку дул ветер, с левого борту. Потом отошел – стал более попутным. Чтобы идти полным курсом, ярл приказал приспустить лодью, нареченную «Лембоем», под ветер. Корабль набрал ход.

«Посмотрите направо, – подумал Олег, – вы видите низменность Эссекса, безлесную и пустынную. Берега ее илистые и отмелье. Посмотрите налево. За белыми скалами, у которых грохочет волнобой, видна возвышенность Норт-Даунс. Там – Кент...»

С самого начала похода его не покидало состояние продленного восторга. Вырваться из привычного окружения, увидеть заморские страны – что может быть лучше? Правда, в заморье и убить могут, но тут уж некому пенять...

Внезапно с травянистой макушки мелового обрыва поднялся столб густого серого дыма. Минуты не прошло, а с прибрежного острова потянулся еще один.

– Заметили нас англы, – усмехнулся Соколиный Глаз и повернулся к ярлу Олаву Гуляке: – Передай всем, чтоб без приказа не стреляли. Особенно это твоего Икмора касается! Попробуем сперва добром виру взять, а уж если не получится... – в голосе конунга зазвучала угроза. – Примем меры!

Дренг²⁵ по имени Слуд побежал на нос, развел руки с тряпками и пошел семафорить.

– И пусть навесят щиты. Не в гости идем...

Гридни перетаскали кучу щитов и навесили на оба борта.

– Белый щит поднять! – приказал Лидул.

– Поднять белые щиты! – отозвались старшие фелаги на других кораблях.

Конунг махнул Валиту, тот кивнул, прицепил к фалу и поднял до верха мачты круглый, выкрашенный белой краской щит – знак мира и добрых намерений. Но и красный висел тут же – поднять недолго...

Эстуарий сужался, глаза различали на эссекском берегу воднистые, мочажинные пустыри, заросшие поля, метелки редкого кустарника и далекие леса, синей каемочкой очерчивавшие горизонт. А влеве, на кентском берегу, виднелись дубравы, особняком жалась тисовая рощица, свечками торчали корабельные буки. В лощинах и у подножий холмов истаивал туман и деревья казались скрутками черной проволоки, опущенными в разбавленное молоко.

²⁵ Дренг – молодой воин, кандидат в рядовые. Хольд – действительный рядовой, прошедший посвящение. То же, что и гридень. Следует заметить, что в Северной Руси скандинавы и русы соседствовали, перенимая друг у друга те или иные слова.

С суши тянуло прелью, дымком и запахом небогатого жилья – кислой капустой и жареной рыбой. Не такая уж и пустыня этот Энгланд, как хочет казаться!

Солнце прогнало туман, открывая оба берега. Флот постепенно втягивался в широкое устье Темзы, реки глубокой и полноводной. Ее высокий берег сбегал к искрящейся воде, над которой клонились ивы. Берег низменный тоже начинал дыбиться холмиками. Плоские вересковые пустоши еще тянулись, укатывая землю до края, но лес все чаще вклинивался в поле, внося трехмерность вертикалями платанов и грабов, каштанов и кленов, высокоствольных буков и широколистных вязов. Деревья росли все тесней, все кучней, перемешиваясь с подлеском, забаррикадировавшим все прогалы.

– Хорошая река, – сказал позади Гуляка, – не то что Оклога²⁶ – порог на пороге...

– По весне они все хороши, – проворчал Лидул. – Вон, на что уж Итиль полный да водяной, а и то... В паводок как-то шли в хазары – летим без греби, успевай рулить. А в обрат пошли – умучались. Где-то выше Клязьмы... да нет, еще повыше – после влива Костромы – подряд восемь мелей! Во как...

– Что ты сравниваешь – Темпс короткая совсем... О, глянь, глянь, как рыба вскатывается!

Олег повернул голову – прозелень реки волнило кругами.

– Небось щука играет, – со знанием дела заметил Лидул. – Щучка, она рыбка выметчивая... Ш-ш! – шикнул он вдруг и сделал жест палубной команде: тишина полнейшая!

Из-за плакучих ив, полощущих в воде пряди гибких ветвей, вытянулась рыбацья лодка. Гребец сидел спиной и не видел варяжских кораблей, прущих вверх по Темзе. Вероятно, он и на ухо туговат был, коли не слышал скрипа и плеска за собою. Положив весло в лодку, гребец приподнялся и забросил лесу от закидушки. Медленно опустившись на скамью, он поводил лесой и принялся наматывать ее на рогульку.

Рыбачья посудина была совсем рядом, в каких-то шагах с левого борта, и Соколиный Глаз не смог отказать себе в удовольствии схохмить. Вывесившись за борт, он участливо спросил:

– И что вырыскал?

Его «аглицкий» выговор был чудовищен, но для рыбака голос конунга прозвучал как гром с небес. Мужик аж подпрыгнул и оторопело вытаращился на громадный корабль. Все, кто был на палубе «Лембоя», загоготали, как по команде.

Рыбак дико озирался – необычное и странное, ворвавшись в монотонную серость буден, сорвало размеренный темп жизни, вышибло из сознания убогий набор привычностей.

– Как звать тебя? – спросил, отсмеявшись, Лидул.

– А... Альдгельм, – пролепетал рыбак.

– Хорошо клюет? На что ловишь?

– Вот! – Альдгельм поднял за жабры здоровенную щуку, показал вяло трепыхавшуюся форель. А вот насчет наживки ответить не успел – страшно заклекотав, рыбак схватился за горло. Из-под его скрюченных пальцев родничками забила кровь, брызгая на улов. Обмякнув, сакс упал ничком. Стрела, торчащая из его шеи, весело забелела оперением.

– Ну что за сволочи! – потрясенно вымолвил кормщик. – Своего же!

Олег увернулся от еще одного смертоносного жала, едва не попортившего ему шкуру. Ничего себе, заявочки...

Подскочили гридни, прикрывая Лидула. Держа щиты двумя руками, они отлавливали стрелы. С десятка «змея тетивы»²⁷ втюкнулось в борт, одна впиалась в мачту.

²⁶ Оклога – Волхов.

²⁷ «Змея тетивы» – кэннинг, то есть замысловатое сравнение для стрелы, принятое поэтами-скальдами. Воинов они называли, к примеру, «ясениями битвы», а женщин – «елями злата».

– Вон они! Вон!

Из-за мысочка, заросшего сухим дробом, выплывали низкобортные галеры, подобные русским стругам, но поразвалистей. В каждой сидело на веслах дюжины по две керлов-ополченцев. Сильно сутулясь, со щитами на спинах, они гребли и прикидывались Очень Мелкими Существами. Их подгоняли королевские таны.²⁸ В кольчугах по колено и в таких же, из стали вязаных капюшонах, при мечах и со щитами, они кучковались на полупалубах галер. В проходах между скамьями ховались стрелки в простых кожаных панцирях и остроконечных войлочных шапках. С палубы «Лембоя» нельзя было различить выражения лиц, но можно себе представить, что испытывали англосаксы, напав из засады на целый флот!

– Паруса долой! – заревел Лидул. – Весла на воду!

Забрякотали весла, выровнялись в два ряда и дружно загребли воду Темзы.

Олега охватил азарт битвы, а нелепая смерть Альдгельма раздувала в нем жестокую ярость. Казалось бы, ну кто он ему, этот англосакс? Он его не знает даже!

А жалко... И ведь видели же, что местный, – зачем было стрелять? Наверняка специально целились! Но азартовать и яриться – это значило распускаться. Эмоции! Они находят на душу, потом откатываются и не помнятся уже. Отходят. Биться надо рассудком, гормонам всяким не поддаваясь... Уговаривая себя, Олег вытер вспотевшие ладони.

– В линию! – проорал конунг. Замелькали флажки, затрубили трубы. Подгребли еще четыре лоды, из самых больших – «Семаргл», «Пардус», «Алканост» и «Финист».

– Поворот!

Пять лодий развернулись, перегородив русло Темзы. Напротив них сбились в кучу английские галеры, числом до полусотни. Сила немалая, как ни крути. Считай, почти две тыщи народу. Над некоторыми галерами колыхались золоченые стяги, качались кресты. Надсаживаясь, орали королевские таны. Жалобными голосами выпевало псалмы духовенство. Галеры построились выпрямленной подковой и двинулись на сближение – глухо били бубны, чтобы кряхтящие ополченцы гребли в такт.

– Стрелки! Чего ждете?!

Воздух дрогнул басовой струной. Сотни длинных стрел сорвались с луков. Описали крутую дугу, ударили, язвя палубы, щиты и неприкрытые тела.

– Стрельцам бить калеными и срезнями!

Низкое гудение русских стрел заглушило легкомысленный посвист английских *rigtows*.²⁹

– Копейщики!

С обеих сторон полетели копья и стрелы, воины потрясали секирами и мечами, дожидаясь сближения.

– Поворот! Смена гребцов!

Лоды развернулись, и корабли сошлись с галерами на встречных курсах. Англосаксы подняли рев.

Тан на передней галере – зубы на выскале – поставил ногу на борт и половчее перехватил абордажный крюк. И не боится же...

Олег выдохнул, повернулся к ждущему Олдаме и махнул рукой.

– Давай!

Олдама ждал приказа с разожженным факелом. Запалив фитили на горшках с нефтью, он по одному передал снаряды могутному Ошкую, и тот швырнул «гостинцы». Зафонтанировал огонь – палящий и копотный. Две галеры, шедшие наперегонки, превратились в погребальные ладьи. Людской вой смешался с гудением пламени.

²⁸ Таны – военная служилая знать. Эрлы – англосаксонские графы.

²⁹ *Rigtow* (англ.) – стрела (разумеется, в данном времени говорили на староанглийском, но не будем усложнять...).

С десятка лодий, вплотную приблизившихся к англосаксам, тоже полетели круглые горшки, оставляя дымчатые шлейфы разгоравшихся фитилей. Горючка расплескивалась по баркам, опалая чернь и зная без разбору.

Олег готовился к абордажу, руку так и тянуло к левому боку, где висел меч, но боя не случилось. С галер наконец-то рассмотрели, что собой представляет противник, и начался распад. Барка, проскочившая за линию лодий, развернулась и понеслась к берегу. Королевскому тану это бегство сильно не понравилось, он орал, потрясая мечом, и озверевшие керлы утопили крикуна. Страх смерти пересилил страх наказания – король далеко, а русы близко!

Англосаксы бросали весла и кувыркались в воду, неуверенные, что их дезертирство поддержат товарищи. За керлами сигналы стрельцы. Особа духовного звания в черном облачении бенедиктинца перекрестилась и плюхнулась, погнав волну и сверкая тонзурой.

На галере, борта которой были разрисованы кружками и ромбами, воцарился классовый мир – таны гребли вперемежку с керлами, а грузный эрл в роскошном меховом плаще ерзал на корме и подбадривал гребцов энергичными выкриками.

Река очистилась. Брошенные галеры, зачерпнувшие воды, сплавлялись в море вместе с «систер шипами», выжженными огнем. Плыли трупы, качались на волнах щиты.

– ...Вот так и началось наше вторжение, – проговорил Сухов, массируя ноющий бицепс.

– А дальше?

– Дальше – больше...

– Ну, Олег...

– Да дай ты мне отдохнуть!

– Ну еще немножечко, самую капельку! Здесь же нет телевизоров, нету газет...

– Дожил! Уже теликом обзывают...

– Олег...

Сухов повыпендривался малость и продолжил дозволенные речи:

– Ну, что? Приплыли мы, подступили к самому Лундуну, бросили якоря...

* * *

«Какой-то Лондон... не лондонский», – думал Сухов, разглядывая стену Константина, выходящую к Темзе. Угловая башня Юлия круглилась в правом углу, на месте будущего Тауэра, а с северной стороны к римскому Лондинию присоседился варварский Лундун – лепясь к каменным стенам крепости, прямо поверх рва, заваленного отбросами и грязью до такой степени, что выемка превратилась в насыпь. Слобода разбегалась кривыми улочками, кучкуя землянки, мазанки, свинарники, перемежалась пашнями, садиками и огородиками.

Олег обвел взглядом городские укрепления и только головой покачал. Во множестве мест крепостные стены, сработанные римлянами, были разобраны по камешку – где только зубцов лишившись, а где и до самого фундамента разрывая пояс обороны. Видать, англосаксам даже стройматериал требовался... Пробой загородили не шибко высокими пряслами, рубленными из дуба. Разборке подверглись и башни – местные кое-как надстроили их грубыми срубами. Все это архитектурное и фортификационное безобразие выглядело очень неаккуратно и убого.

На правом берегу Темзы чернела деревянная крепостца – Саутварк или, как ее прозывали северяне, Судвирки. Поперек реки был переброшен Большой мост, сколоченный из крепких бревен, утыканный башенками и огражденный невысоким – по пояс – частоколом. Над пильчатым палисадиком выглядывали шлемы, дергаясь как поплавки на поклевке, горбатились спины, сверкая кольчугами, будто рыбыны чешуей. Ишь, забегали! Еще не так бегать будете...

А мост и вправду велик – две телеги запросто разъедутся. Последний пролет упирался в лундунские ворота, зажатые меж двух башен, наполовину сложенных из римского кирпича, наполовину – из бревен. Воистину, дерево – стройматериал варвара!

Топая по палубе сапожищами, подошел ярл Олав.

– Любиешься? – настроение у ярла было бодрое.

– Думаю, – сказал Олег.

– Думай, думай! – хохотнул Гуляка. – Продолжай в том же духе!

Утром, на военном совете, конунг Лидул предложил атаковать Лундун с реки. Обрушить мост – главное укрепление городских врат, вышибить хлипкие створки и ворваться на улицы. Сказать по правде, Соколиный Глаз меньше всего думал о том, как бы побыстрее взять Лундун. Удар с Темзы помог бы сохранить жизни гриди.

Плох тот командир, который берет крепость любой ценой, ибо цена эта измеряется в смертях. Конечно, на войне как на войне, но это же не значит, что победа должна быть оплачена по высокой стоимости! Здесь торг уместен.

– Короче, ломаем мост, ко всем троллям, – энергично высказался конунг Игелд, приведший дружину на десяти лодьях, – и берем град сей.

Через полчаса начался штурм.

Вяло серебрилась Темза, помахивали ветвями яблони, задумавшие зеленеть. За зубцами лундунских стен мельтешил ратный люд, суетились таны, расставляя бойцов, копотно горели костры под чанами со смолою – город крепил обороноспособность.

– Скедии!³⁰ – гаркнул Лидул. – Па-ашли!

Пропели рога, разнося команду над водою, и четыре скедии в двадцать румов, то бишь на сорок гребцов каждая, сняв свои мачты, заскользили к Большому мосту. За низким частоколом зашебуршилась стража, закачались копья, донеслись гортанные крики команд. Воины разбежались по всему мосту – на подплывающие скедии обрушились стрелы и копья.

– По мосту-у... – затянул Олав.

Сработали пращи и луки. Град стрел и свинцовых шариков обрушился сверху, выбивая защитников Большого моста. Длиннотельные скедии, изящные и хищные, нырнули под его пролеты. Олегу на просвет видно было, как гридни обвязывают сваи крепкими канатами из моржовой кожи.

– Давай, давай... – цедил Лидул, нетерпеливо постукивая кулаком по мачте. – Ага!

Скедии вышли на чистую воду. Натянулись канаты. Напружились могучие спины, выгнулись весла, взбурлила загребаемая вода. И не выдержал мост! Сваи вырвало и поволокло по дну, с оглушительным треском лопалось дерево, визжали и скрежетали раздираемые доски. Гудели натянутые канаты, водопадом шумела вода, вспененная веслами. «Падает, падает Лондонский мост!»³¹

Изломились пролеты, окунаясь боком в воду и переворачиваясь. Поплыли по Темзе полурассыпавшиеся башенки, колья, бревна, доски. Плотиками кружились обломки настила, по ним метались, падая на колени, человека три в кольчугах.

Олег ухмыльнулся: какой сборной по гребле удастся подобное – силою мышц и музыкальной слаженностью движений свергнуть огромный и крепкий мост?!

Он нахлобучил на голову мягкий подшлемник и натянул шлем с наносником и выкружками для глаз. Застегнул нащечники под подбородком. За спину – щит на плечевом ремне. Кольчужные ноговицы на ноги – похоже на женские чулки и цепляются так же – ремешками к поясу. Кафтанчик... Не, жалко кафтанчик – порубят еще... Створчатые наручья на предплечья – застегнуть. И такие же поножи – Валит споро затягивает ремешки у Олега на голених. Наколенники, наплечники... Из похода на Миклагард-Константинополь, куда он ходил под води-

³⁰ Скедии (или скейды) – боевые корабли среднего класса, на 30-40 человек. По-видимому, именно на скедиях русы ходили в походы на Константинополь, поскольку спуститься по днепровским порогам на лодьях было физически невозможно.

³¹ Строчка из английской детской считалки.

тельством Аскольда и Дира, Сухов вернулся с хорошей добычей. И сменял половину золота на знатные доспехи. Ничего, окупится...

– Вперед! – гаркнул Лидул, выхватывая меч.

Лодьи на веслах продвинулись на то место, где недавно стоял Большой мост, – теперь о нем напоминало лишь огромное облако донной мути, постепенно сносимое течением.

Щелястый обрубок моста торчал перед ними ни к селу ни к городу.

Со стены наклонили котел с вылившимся носиком, пуская струю кипящей смолы, но лишь заляпали голову горгульи, украшавшей высокий нос лодьи.

– Стрелкам прикрывать!

Загудели стрелы, вычищая бойницы башен и просветы меж зубцов над воротами. Сухов держал щит на манер зонтика: душ из кипящей смолы – удовольствие ниже среднего.

Подхватив бревно, с комлем, окованным бронзой, варяги с ревом и уханьем принялись таранить ворота. Первой не выдержала левая створка – лесины затрещали и рухнули в проем. За воротами, в клубах пыли металась англосаксы, бестолково громоздя баррикаду.

– Слушай меня! – заревел Лидул. – На врага!

Олег пробежал по веслу и прыгнул на берег. Выхватил меч. «Ну, кто на меня?!»

Англосаксы сгрудились в глубине арки, перегородив проход. Лиц было не разобрать – на светлом фоне проема фигуры воинов смотрелись черными силуэтами. Воняло навозом и мочой.

– Сулицы к броску! – скомандовал ярл Олав. – Целься! Замах! Раз! Два!

Тесно было под аркой, но на войне и хуже бывает. Мускулистые руки гридней отвели дротники-сулицы и послали во врага, выбивая передний ряд рекрутов.

– Строимся клином! Мечи из ножен!

Клин рассек ряды англосаксов, отбросил неприятеля к стенам и смешал с навозом.

– Сомкнуть щиты! Копья наперевес!

Загремели круги щитов, сбиваясь в крепкий тын, вспыженный иглами копий.

– Стрелкам – приготовиться!

Подвижной флешью выступил из-под арки русский клин, попадая в начало Главной улицы, немощеной и очень грязной. Бревенчатые дома перемежались с глинобитными мазанками и редкими зданиями из римского кирпича. Все окошки были задернуты промасленным полотном, из отверстий в тростниковых крышах шли сизые дымки, и два запаха попеременно перебивали друг друга – горящего торфа и конского навоза. Косматые коровы и тощие свиньи удирали на огороды и пашни.

В перспективе поднимались стены римского форума – три одноэтажных здания удивительной сохранности забирали квадратную площадь буквой «П», а с севера ее замыкала двухэтажная базилика. Лет семьсот этой базилике. Надо же, почти целая... Только половины черепицы не хватает, и балки крыши посерединке провалились.

Но бытие определялось не этими метами цивилизации. Реалии жизни расплзались под ногами и противно чвакали – таяли замороженные за зиму фекалии и навоз. Ядовито-желтые ручейки размывали вывал дерьма и помоев, растекаясь зловонными лужами.

– Развели чушатник... – брюзжал Валит.

– И не говори, – поддержал его Ошкуй, выбирая, куда ступить. – Не город, а задок нечищенный. Помойка!

Ярл не обрывал «разговорчики в строю» – они выявляли «высокий боевой дух» и поддерживали горение энтузиазма в заробевших.

Англосаксы атаковали сразу с трех сторон – пешие и конные. В момент они запрудили улицу.

– К мечу! – заорал Олав. – Тесней строй! Щиты сбей! Первый и второй десяток – по улице! Третий и четвертый – кругом! Крайние – полуоборот!

Русский «клин» перестроился в «город», в плотное каре, отовсюду ждущее удара и готовое его отразить.

– Тесней! Тесней строй! Жми щит! Луки к бою!

С жестяным грохотом столкнулись щиты и копья. К множественному треску и реву прибавился противный хруст и лязг. И снова мешались крови – темная венозная и алая артериальная, бурным осадком падая в месиво под ногами.

«Где подкрепление?! – злился Олег. – Что они там возятся? Ага, пошли, кажись!»

– Наши в городе! – крикнул Валит.

– Чистим улицу! – приказал Олав.

Ярл вывел полусотню на перекресток. Посреди улицы восседал на троне Юпитер с роскошным орлом у мраморных ног. Здесь русов и окружили.

– Держать строй! – проорал полусотник, чертя воздух мечом. – Стрельцов и раненых – внутрь!

Копья осаживали конных саксов, мечи и топоры косили пехоту, луки выцеливали окна. Из проулков ударила целая полутысяча, и таны сами попали в окружение. Ярл Олав Гуляка выстроил своих «стеной» – фалангой на русский манер, и вокруг оббитой статуи Юпитера-громовержца началась давиленья. Мерзлое дерьмо разжидело горячей кровью и потекло под ноги.

Англосаксы не выдержали штурма и натиска варягов. Ряды керлов начали стремительно таять – войско разбежалось, ховаясь за свинарниками, просачиваясь в двери и окна, сигая через заборы. Валькирии, деловито подбирая павших, милостиво улыбались русам: с победой вас!

* * *

– ... Вот в таком плане, в таком разрезе... – зевнул Олег. – Все, я устал. Хочу есть и спать.

– А сейчас я все принесу, – засуетился Пончик. – Фаст уже сало нарежет... Еще немножко, а? Вторую серию! Мм?

– Вот пристал... Ну, пограбили мы тот Лундун и отъехали с серебришком. Двинулись на Париж – за золотишком...

* * *

... Франкское море (позже его назовут Ла-Маншем) встретило варяжский флот теплом и покоем, волны его тихо колыхались, греясь на солнышке, и отливали радостным бериллово-зеленым.

На следующие сутки лоды добрались до залива Сены. Корабли затерялись в архипелаге мелких островков напротив устья реки – и викинги, и варяги, идя в набег на земли франков, всегда бросали якорь у этих песчаных пятачков, заросших травой да кривыми сосенками. Тут чинили лоды, отъедались, делили добычу.

Лидул Соколиный Глаз провел флот в тихий, глубокий заливчик, на место своей старой стоянки. Плавника сюда натащило горы, он хорошо поддерживал огонь под котлами, свисающими на цепях с треног, и вот уж толочно с сальцем и мясцом запахло на всю Нейстрию.³² Вырос целый городок из шатров, с улочками и площадями, а под самым большим тентом собрался комент – военный совет. Пригласили всех – конунгов, ярлов, даже хевдингов. Гвалту и споров хватило, но Лидул задавил всех своим авторитетом. Постановили идти на Париж, не отвлекаясь на монастыри и аббатства, не трогая даже Руан, которому всегда первому пускали кровь. Но сначала решили послать людей «на вороп» – в разведку. Каждый из пяти конунгов предложил своего человека, проверенного в таких делах и балакающего на языке фран-

³² Западно-франкское королевство.

ков. Соколиный Глаз свой выбор остановил на Олеге Сухове. Посовещавшись с товарищами, конунг назначил старшим Варула, не по своему хотению проведенному в Париже три долгих года.

Было около пяти утра, когда маленькая вспомогательная скедия высадила пятерку разведчиков на левом берегу Сены, около рыбацкой деревушки – безобразного скопища хижин, сараев и развешанных сетей. Селение это оставили в стороне, карабкаясь по дюнам, и приблизились к бедноватому монастырю, плоду скрещивания покосившегося амбара с водокачкой. Дул противный ветер с моря, шуршала сухая трава на песчаных гребнях, зябко было и сыро. Но пятеро смелых – Олег Вещий, Большой Валит, Маленький Ошкуй, Олдама Паук и Варул Волчье Ухо – были полны рвения и горели энтузиазмом. «Заняв» у монахов коней и ужасные черные балахоны (Олег щеголял в лиловой рясе каноника), пятерка порысила на Париж.

К болотистым берегам Сены, заросшим камышом, отряд старался не приближаться, пробирались дубравами и прочими чащами. Вепрей встречали постоянно, раза два пробежали олени, даже медведь появлялся – худой, облезлый, вываленный в листве. Франкский мишка проснулся и жрать хотел отчаянно. А отряд продовольствием запасался по пути, отовариваясь в мелких аббатствах и глухих деревнях. Питались франки в большинстве своем скудно, частенько сживали на голодной диете. Мяса ели мало, масла практически не знали, сахар был почти неведом, его заменяли медом. Овощи в меню значились редко... Что же они ели тогда? Хлеб лопали, да кашу, да копченый сыр. Пряности были привозной роскошью, обходились солью, чесноком и уксусом. Ели из мисок, как и на Руси. Знать накладывала в миски серебряные, чернь подкреплялась из деревянных. Управлялись ножом и ложкой, византийские двузубые вилки были не в ходу. Запивали пивком да винцом – дешевой кислятиной с местных виноградников.

До Парижа добрались без приключений. Когда разведчики перешли вброд мелкую речушку в густых камышах, под сенью раскидистых осокорей, и взобрались на высокий холм, их взору открылась древняя Лютеция – вонючий, ряской затянутый ров и бревенчатые стены, черные, кое-где с прозеленью мхов. А за стенами – огороды, хижины под красной черепицей или прелым тростником, свинарники, коровники, амбары... Село.

На правом берегу – то же самое. Даже остров Ситэ, лежащий меж берегами, не впечатлял. Ну кирпичная башня Шателе на мысу, круглая и кургузая, пристроенная к обшарпанному римскому дворцу. Ну храм Юпитера – почти целый, хоть и видно, что заброшенный. Ну ветхие и безобразные особнячки меровингских времен под купами столетних вязов, платанов, каштанов... Глазу не за что зацепиться.

– Тю!.. – презрительно фыркнул Валит. – Да он меньше Альдейги! А я-то думал...

– Меньше, – подтвердил Олдама, рассматривая панораму Парижа с видом бывалого полководца, – но не беднее.

– Эт-точно... – поддакнул Ошкуй.

– Денарии эти, – Олег подбросил серебряную монетку с корявым профилем кого-то из Каролингов, – чеканят во-он там, на острове. Там у короля монетный двор.

– Понятненько... – протянул Варул и похлопал по шее своего гнедого, беспокойно переступавшего, словно почуявшего стойло. – Помните, вы – монахи, – строго предупредил он. – Лики извольте держать постными и благостными. Тонзуры вам выбрать?

– Нет! Нет! – запротестовали разведчики.

– Тогда куколей не снимать.

Они тронули коней и не спеша, как то приличествует служителям церкви, двинулись к разбитой дороге. В этих местах она считалась чуть ли не идеальной, такой, «где могла проехать невеста, не зацепив воз с покойником».

Земли вокруг Парижа и без того болотисты, а уж если их постоянно месить копытами и колесами, вы получите полосу грязи с консистенцией густой сметаны – в иных местах лошади будет по брюхо. Не ровен час, утонешь в этой жиже...

Ступив на осклизлые бревна моста, Олег милостиво благословил привратного стражника, бормоча «*Rax tibi, filius meus...*».³³ Стражник в сагуме – воинской рубахе поверх кольчуги, в каске с петушиным гребнем, смотрел на Сухова умильно, осенял себя крестным знаменем и бормотал грубым голосом молитву на романском.

Под темными сводами воротной башни, рубленной из дуба, было сухо, хоть и грязи нанесено – без сапог не пройти. А дальше опять тянулось липкое, глинистое месиво – летом сей шлях будет сухим и пыльным. Осенью его опять разжидят дожди...

– Неужели так трудно замостить? – раздраженно высказался Валит.

– Франки!.. – снисходительно буркнул Ошкой. Дескать, что с них возьмешь? Такими уродились...

Опять запахло нечистотами. Разглядывая дома, Олег вспомнил сказку о трех поросятах. Редко-редко можно было наткнуться на каменный дом. В основном, на улицу выходили саманные жилища или турлучные хижинки, держащиеся на каркасе из ивовых прутьев, обмазанных глиной. На возвышенных площадях тянулись к небу убогие колоколенки.

В упадке Париж, думал Олег, вертя головой направо и налево.

Хлодвиг, первый из Меровингов, сделал этот город своею столицей – здесь и жил, и в походы отсюда отправлялся. Лютеция ныне во владении первого графа Парижского, Роберта Сильного.

– Съездим на остров, – вполголоса сказал Варул. Товарищи молча кивнули низко надвинутыми капюшонами.

Людей на улицах было мало – оскальзываясь, парижане пробирались вдоль заборов, держась за прясла. Один раз, шлепая по грязи, четверо слуг пронесли портшез с важной персоной. Пинками, стараясь не слишком качать носилки, они прогоняли свиней, млевших в грязи. Хрюшки обиженно взвизгивали. Из-за плетней слышался лай, квохтанье кур, блеяние коз и коровье мычание.

Ближе к центру народу прибыло – крались неясные личности, степенно ступали надутые купцы, семенили с корзинками вертлявые служаночки, поливали герань на подоконниках домохозяйки в чепчиках, выясняли отношения через забор горластые, пышные мещанки, божились дородные торговки, всучивая простофилям порченный товар, шныряли проворные жуликоватые мальчишки. Одеты все были очень похоже – мужская часть населения щеголяла в льняных рубахах до колен, зовомых камизами, и в коротких штанах-брэ. Поверх камизы носили блио – рубаху покороче камизы, с напуском над поясом. Женщины ходили в нижних рубахах-шэнс и верхних блио. Блио обтягивало торс, а начиная от бедер книзу было сшито из другого куска материи, плиссировано и подвязано длинным поясом. Слышались возгласы:

– Молочка, кому молочка, тетушки?

– Сыр, хороший сыр!

– Уголь! Уголь! За денье целый мешок!

– А вот гу-уси! Гусей кому?

– Ах ты, господи! Украли!

– Держи вора!

Местное наречие Олегу давалось с трудом, понимал он с пятого на десятое – Варул, побывавший в плену у франков, всю зиму учил его, да, видно, не доучил.

³³ С латинского – «Мир тебе, сын мой...»

Обмениваясь впечатлениями и не забывая зорко поглядывать по сторонам, «пятеро смелых» выехали к Квадратной башне, прикрывавшей мост через Сену. Башню подпирала стража, словно не вышедшая из спячки.

Кони гулко затопали под бревенчатыми сводами и выехали на мост, где двум возам уж никак не разъехаться. За спинами пятерки как раз такой и грохотал – здоровенная фура, запряженная першеронами-тяжеловозами. Наверху громадной кучи подопретшего сена восседал возница – лохматый мальчиш, «косматая Галлия», нечесаный и нестриженный.

Сена шумливо обтекала срубы быков, тянулась серым транспортером от плоскогорий Бургундии, где таяли снега.

– Разъезжаемся, – тихо скомандовал Варул. – Осмотрите оба берега, прикиньте, сколько войска в Париже, какой состав, где слабые места в обороне. Есть запасы хлеба, или город сидит на голодном пайке. Особое внимание – на монастыри. Если кто и богат во граде сем, так это монахи. Вечером соберемся на Монмартре... ну, на той горе – помните, я показывал? Вот там, где храм бога Меркурия...

Четыре мрачных фигуры качнули черными капюшонами и втянулись в проезд, удаляясь к мосту на берег правый. Олег направил коня к башне Шателе, иначе зовомай Сторожевой. Лютеция... Из типичного оплота империи в далекой провинции Лютеция давно уж выросла, а до типичного средневекового бурга еще не дотянулась. Ей расти еще и расти. Рим давно дотлел, а Франция пока еще даже не затеплилась...

За приземистым дворцом Сеагриев, последних римских владык, расположилась маленькая площадь, теснимая с двух сторон башней Шателе и Галереей правосудия.

Объехав громадную кургузую башню, Олег двинулся по набережной, углубляясь в узкие улочки, оставшиеся неизменными со времен первых франкских королей. От этого, начального Парижа к будущим векам не останется ни единого кирпичика...

Осмотрев Остров, «обнюхавшись», приметив все ходы-выходы, Сухов направил коня на правый берег, где, немалое время спустя, откроется Сорбонна.

Решив «сходить в народ», он заехал в платную конюшню, разгороженную внутри на денники и довольно-таки чистую. Соскочив, Олег передал поводья конюшему – маленькому, лысому человечку в широких не по размеру портах и в безрукавке на голое тело. Человечек мелко кланялся и щерился беззубым ртом.

– Живо оботри лошадь соломой, – велел Олег.

– Сделаем, ваша святость! – прошамкал конюший.

– И овса задай, – добавил Сухов, небрежно бросая конюшему серебряный денарий.

– Все будет в лучшем виде, ваша святость! – В голосе человечка пробивалось ликование: он-то и на четверть денария не рассчитывал!

Олег зашагал по извилистым парижским улочкам, брезгливо обходя вонючие лужи. Потаскавшись переулками, нанюхавшись запахов – аппетитных и не очень, Сухов описал неровный круг и приблизился к конюшне с тылу, выбравшись на небольшой пустырь возле развалин римских терм. Нынешние парижане по баням не хаживали, им было велено блюсти чистоту не телесную, а духовную, приуготовливая себя к райским кушам. А пока они топтали землю грешную, то устраивали парадиз для паразитов, для насекомых, для крыс и прочей заразы...

Неожиданно внимание Олега привлекли громкие крики, злорадные и негодующие. Завернув за угол обшарпанной термы, он увидел толпу обозленных горожан и понял, что попал на самосуд.

Небольшая площадь между римскими банями и грузной часовней была полна народу. Народ бушевал вокруг столба, который линчеватели деловито обкладывали хворостом. В толпе попадались священники, узнавались торговцы, но больше всего топталось заезжих крестьян и городских босяков, равно жадных до хлеба и зрелищ. Все сословия гудели едино:

- Выжечь их, как ос!
- Давно пора было...
- Да сколько ж можно терпеть?!
- Ох, недаром с их двора серой несло!
- Господи помилуй! Господи помилуй!
- А тетке Эрмоаре кто на тень наступал? Она ж, Инграда проклятая! Эрмоара и померла!
- Господи помилуй! Господи помилуй!
- Давно бы уж спалили это отродье бесовское!
- А мне еще Варимберт Кривой сказывал... да знаешь ты его! Брательник он Тевдольду

с Верхней улицы.

– А-а... этот. Ну как же!

– Вот... Так он сказывал – Инграда в дымогон вылетала верхом на черном коте!

– Да-да-да! Уж-жасающий! Ростом с собаку, глаза огромные и горят, язык кровоточивый и до пупа свисает, а хвост, наоборот, короткий такой и твердый, да так задран, что на ходу тварь эта казала всю свою гадостную промежность – туда еще эти... как их... адепты Сатаны устами прикладываются, когда учиняют свои радения! Так-то вот!

– Да ты что?!

– Вот те крест! В искрах вся, в дыму, хохочет по-бесовски, а у кота глаза как плоски, красным светятся, и пламя пыхает из пасти!

– Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Олег протолкался в первые ряды и стал рядом с каким-то клириком, сухим и пожелтевшим старикашкой, здорово смахивающим на мумию. На нижнюю рубаху и брэ клирик надел белый стихарь-альбу, своего рода тунику. Поверх альбы его облачала еще одна туника, тоже белая, но более короткая и прямая – далматик. Рукава далматика были широкими, а разрезы по бокам открывали вышивку альбы. На шее клирик носил льняной наплечник-амикт, со шнурками по углам, а поверх далматика лежала стола-епитрахиль, длинная льняная лента, украшенная золотой нитью. Стола отличала разные разряды клира – дьяконы носили ее через плечо по диагонали, епископы оборачивали столу вокруг шеи так, чтобы концы ее ниспадали прямо. Старикашка оказался простым священником – он перекрещивал ленту столы на груди.

– Слыхал я, – осторожно склонился к нему Олег, – нынче Инграды черед пришел? Ведьма она, что ли?

– Истинно так! – Клирик аж подался к «своему» (видать, страдал словесным недержанием) и зачастил: – Нечисто, ох, нечисто с этой девицей! Лекарка она, травница, но глаз у нее плохой, ох, плохой! Уж сколько раз у соседей ее скотина дохла, а весной поветрие случилось – половина улицы вымерла! Я уж не говорю о молоке, что скисало, как только Инграда приближалась к коровнику, или о яйцах, что тухли... А сегодня от ее колдовства обездвижил Винифрид, сынок купца Алагиса. Бедняга только и хотел, что задать ведьме плетей, а та как зыркнет на него, а Винифрид как грохнется на землю, и ну орать да корчиться! Воистину бесы управляли Инградой, ибо боль, ей же на пользу причиненную, она обращала на Винифрида! Это ли не силы демонические?!

– Обращала? – заинтересовался Олег. – То есть сынок купеческий пытался Инграду отстегать, а она заставляла страдать своего му... э-э... учителя?

– Истинно! Истинно так! Когда Ротар и Эрлефред схватили ее на месте преступления, все было как всегда, девица плакала, умоляла, клялась в своей невиновности – обычные ведьмины штучки. Но когда Ротар попытался выкрутить ей руки, он закричал от дикой боли и упал, и пополз во двор. И лишь там, вдалеке от ведьмы, боль отпустила его!

– А этот... Эрлефред?

– Выбежал окарачь на улицу и до сих пор не пришел в себя, забился в сарай и воет от ужаса!

Олег сокрушенно поцокал языком, думая: «Так их, девочка! Молодец. Настоящая ведьмочка!»

– Но не грех ли это – казнить без суда? – нахмурился Олег.

– Грех, – виновато развел руки клирик. – Но эти пострадавшие люди творят дело богоугодное, ибо сражаются с Самим сатаной, владеющим Инградой!

– Ведут! Ведут! – заволновалась толпа.

– Это Викард и Годехар, – гордо сказал клирик, – дружки сына купеческого. Не бросили своего в тяжкую годину!

Из-за термы вышли двое молодчиков, одетых по-простому, но опоясанных дедовскими мечами. Они громко распевали псалом «Испепелю капища и разорю вертепы диавольские!» и тащили за собой упиравшуюся девушку, босую и в одной рубахе. Девушка не кричала, сопротивлялась молча. Она смотрела на толпу, но словно не видела злобных, тупых, глумливых морд. В глазах ее плескалась тоска и безысходность. У Олега сжалось сердце.

«Господи, – подумал он, – как же она красива и молода! И всю эту красоту и молодость – в огонь?!»

Он сильно пожалел, что его меч остался на «Лембое» – наворопнику меч не положен. Клинок – для боя. Для разведки достанет и ножа.

Линчеватели с большой опаской, бормоча молитвы, повели Инграду к столбу, крестясь свободными руками. Привязали. Но едва один из молодчиков достал огниво, он заорал благим матом, корчась и сбивая с себя невидимое пламя.

Толпа охнула и подалась назад. Мумифицированный клирик забубнил псалмы, сжимая крест на груди ручкой, похожей на куриную лапу.

Но минуло замешательство, в толпе заголосили резче, потрясая кулаками, исходя праведным гневом, и добровольные палачи запалили факелы. Инграда смотрела безразлично, пока не поймала взгляд Сухова. Ее глаза расширились в безумной надежде, наполнились слезами, словно мольбой о помощи, а припухшие алые губки приоткрылись, будто для отчаянного вопля: «Помоги!..»

И Вещий кивнул. На бледные щеки девушки вернулся румянец, она вся ожила – это заметил и Годехар. Все в его лице с крепкими челюстями, слегка горбатым носом, крупным ртом и высоким гладким лбом дышало тяжелой свинцовой ненавистью, слепым и безрассудным фанатизмом. Он прицелился получше и швырнул в кучу хвороста факел. Еще один, кувыркаясь, упал на вязанки, загодя облитые маслом и смолой. Повалил дым, показались первые язычки огня.

– Сгинь, нечистая сила! – взревел отец Винифрида с торжеством.

Толпа взревела.

– Пропади!

– Подпалим дьяволицу!

– Изыди!

– Огня ей! Огня!

Девушка закричала, забилась в пеньковых узлах. «Пора!» – решил Олег.

Он с ходу нокаутировал Викарда – остролицего, похожего на загнанного хорька. Молодчик еще падал, поднимая руки и пуча глаза, когда Олег выхватил меч у него из ножен и бросился к девушке, обвисшей в путах. Тяжелая черная волна волос закрыла лицо, переплетаясь с сизым дымом. Олег перерубил веревки одним ударом, подбросил Инграду на плечо попой кверху, и понесся гигантскими прыжками, прижимая «ведьмины» ноги к груди. Толпа с воплями разбежалась.

Мелькнуло перекошенное лицо Годехара – кулаком, сжимавшим рукоять меча, Олег с удовольствием разбил его, своротив молодцу нос и расплющив губы.

Заскочив в конюшню, он не стал искать свою лошадь, а посадил стонавшую девушку на ближайшую коняку – мухортого скакуна хороших, по виду, кровей – и взлетел в седло, не обращая внимания на вжавшегося в стену конюха, бледного от ужаса.

– Но-о! Живей, живей, мертвая!

Хорошо, подумал он на скаку, что еще не придумали телеграф, а то перекрыли бы все дороги, и думай потом...

С грохотом унесся назад мост. Наехала и отмахнула за стену Квадратная башня. Полетел в лужу сбитый страж. Девушка открыла глаза, они заполнились ужасом, но тут же, узнав спасителя, Инграда рванулась обнять его, и смеясь, и плача. Олег мимоходом чмокнул ее и крикнул:

– Куда ехать? Я не знаю города!

– Туда! – указала девушка. – К восточным воротам! Там мой дядька в карауле!

Олег оглянулся. Их догоняло трое с мечами и топорами, все на конях белой масти. Из-за поворота, расплескивая веером грязь, вынеслось еще столько же, потрясавших короткими охотничьими копьями. Ну-ну...

– Налево!

Улицу загородил воз с решетчатыми бортиками. Возница тупо вытаращился на диво – на распаленном коне мчался аббат. Его ряса вздувалась пузырем, в правой руке особа духовного звания держала меч, левой правила и прижимала к себе прекрасную девушку в одной белой рубахе. Демоны!

– Держись!

Не, верный у него глаз оказался, – мельком подумал Олег. Доброго выбрал коня. Мухортый дико заржал и перемахнул через воз. Париж в глазах у Олега опал, взмыл и сотрясся. Одолели!

– Прямо, прямо!

Из-за спины донесся треск и ржание. Олег глянул за плечо. Придурки... Решились на групповой прыжок! Один всадник без чувств валялся в луже, белый конь хромал в сторону. «Бедный коняга...»

А спереди качками приближались ворота широкой башни с четырехскатной, под пирамиду, крышей из теса. У ворот стоял грузный коренастый вратник с рыжей бородой венником.

– Дядя Хагон! – завопила Инграда. – Открой! Дядя Хагон!

Створка ворот начала поворачиваться на петлях. Мелькнули выпученные голубые глаза на фоне огненной бороды.

– Куда ж...

Прогрохотали бревна моста.

– Прощай, дядя Хагон!..

И еще четырежды дробот копыт потряс мост у Восточных ворот. «Четыре и один – есть такая игра... Сыграем?»

Дорога уводила в лес, в решетчатую тень платанов и дубов, покрывавшихся яркой молодой листвой. Ладно, прикроем Инграду. Олег осадил жеребца, спрыгнул с него и крикнул:

– Гони!

– А ты?!

– Быстро отсюда!

Мухортый ускакал, но лишь стих стук его копыт, как послышался частый перетоп преследователей. Четверо с мечами и копьями наперевес мчались по разбитой дороге, лихо гикая и горяча коней. Сухов, у них на виду, воткнул меч в землю, стянул душную рясу и вернул в руку клинок. Четыре ездоца, мня себя Святыми Георгиями, поражающими Змия, наехали на Олега Вещего. Сухов перечеркнул лезвием меча подпругу справа, лишь оцарапав коня. Тот всхрапнул и дернулся. Всадник, закидывая ноги, грохнулся оземь вместе с седлом.

Обратным движением меча Олег перерубил бьющее копьё и распорол копейщику ногу до колена. Ещё двое спешили и, выхватив мечи, бросились на спасителя отродья сатанинского.

Чужой меч – старая спата – был Вещему не по руке, но другого у него не было. Хоть такой есть...

Двое с клинками наседали – огромные, сильные, злые. Один черевист и перегибист, другой – пухл и румян. Мах. Мах. Высверк. Удар. Отбив. Мах. Высверк.

Спата ударила по мечу пухлого у основания рукояти – клинок усвистал в дорожную грязь, а хозяин отправился за оружием, мешая слякоть с кровью из разрубленного плеча. Черевистый стал осторожнее. Бежать ему не позволяла гордость, а победить... да он уже и не надеялся на победу. Но и Олег притомился скакать, махать да уворачиваться. Движения его теряли четкость и отточенность, быстрота затягивалась на сотые, на десятые, на целые...

И вдруг черевистый застыл на взмахе. Уронил меч. Упал в грязь и завыл от боли. Разбредшиеся кони шарахнулись. Отпыхиваясь, Олег поднял голову и увидел Инграду, сосредоточенно глядевшую на линчевателя. Девушка стояла спокойно, но окаменевшие мышцы шеи и напрягшиеся плечики выражали ее усилия. Черевистый, ворочавшийся в грязи, смертельно побледнел и обмяк, злобно постанывая сквозь стиснутые зубы и вращая белками глаз.

– Я так и знал, что ты не удержишься... – устало сказал Сухов. – Едем отсюда! Садись на мухортого, а я этого возьму.

Он поймал белого коня, запутавшегося поводьями в ветках, успокоил животное и влез в седло. И куда теперь? Словно прочитав его мысли, Инграда сказала:

– Тут недалеко, через лес, стоит хижина моего деда. Едем туда! Дедушка умер, теперь это единственный мой дом...

Олег кивнул и повернул коня в чащу леса.

* * *

В самых дебрях, под могучими вязами, вращалась в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом.

– Здесь мы и жили, пока в город не переехали, – рассказывала Инграда, урывком отворяя скрипучие ворота. Олег, держа в поводу мухортого, заехал во двор.

– Как тут все заросло... – вздохнула девушка. Она притянула створку и задвинула засов. Распрягши жеребцов, Олег пустил их пастись – кому-кому, а этим есть чем подкрепиться. Травы повылазило – страсть...

Углядев огромную, вросшую в землю деревянную бочку с водою, Олег сбросил с себя кожаную котгу-чехол, полупудовую кольчугу и потную рубаху. С наслаждением обмакнул лицо в воду. Надо же – теплая! Ухая, Олег окатил спину, омыл плечи, тщательно протер шею. Сквозь плеск воды он слышал фыркание лошадей, хрупающих сочную травку, теньканье лесной пичуги. Потом послышался льяной шорох, и белая рубаха-шэнс легла ему на мокрую спину. Две гладкие ручки орудовали ею, как полотенцем. Олег обернулся и замер. Перед ним в великолепном порыве стояла нагая Инграда. По тому, как она на него смотрела, Олег понял, что девушка хотела выразить свою благодарность лишь одним возможным способом, доступным ей сейчас. Он почувствовал, как теплая волна прокатилась по позвоночнику. Приблизившись вплотную к Инграде, Вещий огладил ее плечи. Твердые груди Инграды, близко и высоко посаженные, прижались к нему ощутимо и приятно. От тела девушки пахло травами, и было оно очень горячим, но не хворый жар исходил от него, а здоровое живое тепло.

Подхватив девушку на руки, Олег понес ее в хижину.

* * *

Поздно вечером мухортый и белый жеребчики приблизились к храму Меркурия, сооруженному на склоне Монмартра, и приветственно заржали, учуяв собратьев. Олег сложил руки и прокричал совой. Ему ответили. Послышался скрип камешков, и взволнованный голос Валита произнес:

– Мы уж думали – все!

– Не дождутся, – усмехнулся Олег и попенял Большому: – А что это ты так лапами загребаешь? На весь лес слышать!

Невидимая в темноте Инграда хихикнула.

– Кто это? – насторожился Валит.

– Баба-яга...

Костер разведчики развели с умом – под защитой огромного валуна и пня-выворотня, оградивших стоянку с двух сторон. Олега встретили с радостью, Инграду – с восхищением. Валит, разглядев гостью, засуетился, постелил ей сложенный вдвое плащ. Ошкуй кинул сверху свой. Девушка рассмеялась хрустальным колокольчиком и села, а на лицах лазутчиков выступили улыбки.

– Извиняйте, други, – буркнул Олег, не глядя на Варула, – провалил я все дело...

– Ну, не бросать же... – усмехнулся Волчье Ухо, косясь на девушку.

– А за что тебя сжечь хотели? – ляпнул Ошкуй на корявом романском. Валит сильно пихнул товарища.

– Я лечила людей, – объяснила Инграда, улыбнувшись Валиту. Тот сильно покраснел – это было видно даже в свете костра.

– Ну и что? – удивился Варул.

– А я их не молитвами пользовала и мощей не прикладывала, – усмехнулась Инграда. – Я руками заращивала раны и снимала боль... Однажды я спасла Винифрида, сынка купца Алагиса – он охотился на огромного вепря, но поскользнулся, и кабан клыками вспорол ему живот. Я очистила кишки, смочила все... ну, таким зельем, которое убивает маленьких, малюсеньких червячков, разносящих заразу... уложила и зашила. Винифрид выздоровел и стал приставать ко мне... Я его прогнала, и тогда он стал всякие гадости обо мне говорить, болтал повсюду, что я ведьма и с дьяволом знаюсь...

– Вот гад какой! – вырвалось у Валита.

Олег почувствовал, как в Инграде поднимаются перенесенные ужасы, как рвется тоненькая пленочка покоя, пропускающая в душу девушки смятение, горечь и страх. Он обнял ее за плечи и шепнул:

– Все хорошо, слышишь? Больше мы не позволим никому тебя обижать.

– Пусть только попробуют... – проворчал Ошкуй. – Надо будет, и сынка этого... Винифрида, найдем и бошку оторвем...

Валит истоиво закивал головой, и над костром снова прозвенел серебряный смех Инграды. И оборвался.

Опять на всех сошло молчание. Валит подбросил дров в костер, чтобы отогнать ночную сырость, и все зачарованно следили за пляской огня.

– Вы хотите напасть на Париж? – неожиданно спросила Инграда, глядя на Олега со смятенным вниманием.

– Откуда... – изумился Варул и смолк.

– Ведьма! – удовлетворенно сказал Ошкуй, но, заметив укоризненный взгляд Валита, быстро поправился: – Ведьмочка!

Олег подумал и кивнул.

– Хотим золото вытрясти из графа Парижского.

– И из монахов всяких, – поддакнул Ошкуй.

Инграда вдруг взволновалась.

– С той стороны Монмартра, – выговорила она, – есть маленький храм Януса – совсем уже разрушенный, от статуи один постамент остался... Но под ним берет начало подземный ход, очень длинный, и выходит он на острове Франков, в храме Юпитера. Я покажу вам, где это...

– Здорово... – выдохнул Пончик.

– Здорово будет, – поправил его Олег, – когда ты мне сала с чесноком принесешь.

– Щас я!

– И хлебца не забудь!

Подкрепившись, Вещий продолжил:

– Утром мы вышли к тому самому храму, что был Янусу посвящен...

* * *

...Вряд ли Монмартр стоило называть горой – холм как холм, – но вид на Париж с его лесистой макушки открывался недурственный. Город с высоты казался колоссальной пиццей, порезанной на три неравные порции – помидорками смотрелись черепичные крыши, жареным лучком выдавалась кровля из тростника, грибами чернели огороды, а вязы, буки и прочие насаждения гляделись зеленью. С утра было прохладно, и множество печей и очагов гнали сизые дымки – дополнительный штрих, «пицца» была горячей. К столу!

Олег усмехнулся и спустился по крутой тропинке вниз, к храму Януса, круглому в плане.

А кроме плана, ничего и не было больше. Имел место остаток святилища-целлы, заваленный мраморными обломками. Каннелюрованные барабаны колонн были рассыпаны, как бочки у нерадивого бондаря, завитые волюты лежали оббитыми, напоминая огрызки. Кому-то, видать, потребовался камень для забутовки, а тут языческое капище под боком! Бери – не хочу...

Из-за деревьев вышла Инграда – на ней была синяя котта длиной до пят, вернее, женская разновидность котты – сюркени, плотно облегающая грудь. Поверх нее Инграда надела сюрко – безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта. Изящные ступни грелись в меховых туфельках, а плечи прикрывал плащ с серебряной фибулой на плече. Девушка тоже заметила Олега, и с ее беспокойного лица будто спал налет тревоги. Инграда подошла к Олегу и легонько прижалась. Словно древним женским инстинктом тянуло ее к самому сильному и надежному в этом опасном мире мужчине.

– Привет! – сказала она. – Тебе нравится?

Она покружилась перед ним.

– Очень, – признался Олег.

Инграда радостно заулыбалась.

– Готово! – разнесся голос Ошкуя. – Олег!

– Тише ты! Иду.

Валит с Ошкуем расчистили и постамент, на котором стояла статуя Януса, и каменные плиты вокруг.

– И что теперь? – спросил Валит у девушки.

«Краснеет, – подумал Олег, поглядывая на молодого карела, прозванного Большим как раз за средний рост и худобу. – Ишь ты его...»

– Надо повернуть постамент вокруг оси и сдвинуть в сторону вершины.

Олег, вдвоем с Ошкойем, стронул с места тяжелый куб. Заскрипела мраморная крошка. Открылась плита – чистенькая, будто новая, с одного краю зияла широкая щель.

– Дай нож.

Поддев плиту, Сухов перехватился и открыл мраморную крышку люка. Вниз, во тьму, вели каменные ступеньки. Они тоже выглядели так, будто сделаны были на днях, а не полтыщи лет тому назад.

– Глянь-ка, – удивился Валит. – На шипах медных...

– Зажигайте факелы, – скомандовал Варул. – Я буду впереди, а Ошкуй пойдет замыкающим.

– Я замкну люк, – кивнул Ошкуй.

Каменная лестница была крутой, ступеньки высокими, но не скользкими. Хотя сырость чувствовалась – на стенах кое-где нацвела плесень в два-три вершка. Воздух был затхлый – застоялся за столетия! – но дышалось легко.

Ступени вели под арку, вытесанную из камня, а дальше из света факелов в темноту уводил подземный ход. Крепи его были надежны – через равные промежутки стояли полуколонны, поддерживающие каменные балки, перекрытые сверху обтесанными плитами. Стены между колонн были заделаны хорошо обожженным кирпичом, а пол под ногами покрывала крупная мозаика из кусков мрамора, плоской стороной вверх – так мостили улицы и в самом Риме.

– Сколько ж его строили... – заохал Валит. – Лет сто, наверное!

– У римлян было одно великое преимущество, – сказал Олег, приглядываясь к потолку. – У них имелись тьмы и тьмы рабов... Вперед!

Они прошли не меньше трех верст, пока обнаружили вывал кирпича – глину за стеной пучило, груда кирпичей мокла в вечной луже.

– Наверное, мы уже под Сеной, – пропыхтел Варул, переходя лужу по кирпичам.

– Ты прав, – сказал Сухов. – Над нами дно.

– Ой... – сказала Инграда.

– Все путем! – весело сказал Олег. – Потопали.

Как ни толсты были пласты глины, как ни крепка постройка, а вода все же сочилась с потолка – даже не сочилась... Просто щели между плит наверху мокро блестели, а на колоннах и кирпичах ощущалась влажная пленка. В иных местах натекли целые лужи и токала капель.

– Вперед!

Дальше было посуше.

– Стой!

Померещилось ему, что ли? Олег поднял факел повыше и обмер. На полу лежали два скелета в полном облачении римских легионеров – шлемы с красными гребнями, кожаные панцири, поручи-поножи. Ступни ног, вернее, кости ступней были вдеты в красные калиги – грубые воинские башмаки, истлевшие кисти сжимали рукоятки коротких римских мечей-гладиусов. И у обоих в спинах по кинжалу. Кто были эти люди? Какая трагедия разыгралась в подземелье пять веков назад или еще раньше?

– Вот подлые... – проворчал Олдама. – В спину...

Олег наклонился поближе и осторожно вытащил из панцирей кинжалы. Ого... Это были не какие-нибудь пошлые засапожные ножи, а настоящие шедевры, гордость древних оружейников.

– Мечи какие-то короткие... – проговорил Ошкуй. – А че за ножики?

– Хорошие ножики... – сказал Олег.

Он поднес клиночки к глазам. А и впрямь хороши... Широкие жала из черной бронзы с выпуклым ребром посередине венчали золотые рукоятки, изображавшие львиц, раздвинувших лапы-перекрестия.

– Пошли, – буркнул Сухов, аккуратно укладывая кинжалы в кожаную сумку, где лежала провизия – кусище вяленого мяса, ломоть хлеба, пахучий сыр – и кожаная фляга-бурдючок с густым красным вином.

– Скоро уже! – донесся глухой голос Варула.

Начались повороты, ступеньки поднимали уровень пола на локоть, на два, и подземный ход вывел четверку к лестнице.

– Дошли!

Дошли-то мы дошли, подумал Олег, а вот выйдем ли? Он передал свой факел Валиту, поднялся до такой же крышки люка, какую «замкнул» Ошкуй, и осторожно надавил на нее. Вот будет номер, мелькнуло у него, если и тут постамент... Но нет – посыпалась пыль, заскрипели медные шарниры, и плита подалась. В щель проник тусклый свет.

Олег напряг слух и оглядел место прибытия сквозь щель. Никого.

Осторожно подняв плиту, он вылез и еще раз осмотрелся. Судя по всему, это действительно был храм Юпитера. Целла – центральное помещение, где стояла статуя бога. Храм считался его домом.

Жилищу Юпитера явно не повезло. Во-первых, расколотили самого хозяина – на мощном постаменте выделялись лишь следы огромных стоп. Стены, сложенные из квадров – обтесанных каменных глыб, – перекрывались поверху дубовыми балками. Удивительно, но свинцовые листы кровли по большей части уцелели – как раз в прорехи и лился свет, почти осязаемыми конусами упираясь в загаженный пол. Похоже было, что храм приспособили под склад. У тяжелых бронзовых дверей стояли пузатые бочки. Валялась сломанная мебель, покрытая толстым слоем копоти, – в домах ведь топили по-черному. Горшки, вложенные один в другой, поднимались кольчатыми колоннами. Вдоль всей задней стены громоздились сундуки и открытые шкафы римского времени.

– Олдама и ты, Валит, – приказал Варул, возвращаясь к потайному ходу, – скачите навстречу нашим и предупредите. Скажете Лидулу, чтобы сотни две тайком послал к храму Януса. Ударим франкам в тыл!

* * *

Минуло три дня, и к храму Януса подтянулись варяжские сотни.

– И когда ж ты успел четыре версты проколупать? – пробасил ярл Олав, сжимая до хруста руку, протянутую Олегом. Тот не остался в долгу.

– А ну, – заоглядывался Гуляка, – покажь нам ведунью вашу!

Потупив взор, на свет маленького костерка вышла Инграда. Бойцы примолкли.

– Не знаю, как вы, – сказал Тур, молодой венд из Арконы, – а я сегодня пару раз подставлюсь франкскому мечу. Пусть Инграда меня полечит!

Сотни глоток исторгли полузадушенный смех, перебивая серебряный колокольчик Инграды.

– Тише, вы! – гаркнул ярл и скомандовал: – Выдвигаемся! Лодьи подойдут еще до света, надо успеть очистить остров...

...Ночной туман закутал и Сену, и остров Ситэ; словно в союзники русов записавшись, поставил завесу – плотную белую пелену, скрывающую корабли до верхушек мачт. Звуки вязли, падая как в вату, предутренняя тишина напускала на франков сонную одурь – часовые, и те дремали. Иные даже похрапывали, прислонясь к сырým камням.

А в храме Юпитера прибывало полку. Русы по-тихому вылезали из люка и жались к стенам в просторной целле. Олав раздавал краткие распоряжения:

– Полусотни Труана, Гуда и Пелга – занимаете восточную часть, и чтоб тихо! Тебе, Либиар, поручается мост на левый берег, ворота и Квадратная башня. Смотри мне, чтоб чисто было! К мосту лодьи будут швартоваться.

– Сделаем... – проворчал кряжистый Либиар.

– Ты, Асмуд, дворцом займешься, а твои, Тшудд, пусть Сторожевую башню берут. Только давайте сразу договоримся – не отвлекаться на девок и золото. Все и так наше будет! Если прокопаемся, то просто ничего не успеем.

– Да понятно, – отмахнулся бледнолицый Труан. – Я своих уже прижучил.

– Слушай меня! – пробасил Гуляка задушенно. Испуганное эхо запорхало под сводами храма. – К атаке... Готовсь! Мечи – к бою!

Вскинулись круглые щиты, сотней змей зашипели мечи, выползающие из ножен. Бесшумно разгребли туман ворота – ночью петли обильно смазали. Мягкие сапоги не грекали, ступали тихо, как мокасины на тропу.

– На врага... И тихо чтоб!

Ушли тшуддовцы. Скрылись в тумане труановцы.

– Выдвигаемся, – сказал Асмуд и повел свою полусотню на дворец.

Теплая, благодатная Галлия! Даже туман не тяжелил одежд сыростью, не знобил тело. В землях, где зимою идут дожди, замерзнуть трудно, особенно русам, привычным к рекам, промерзшим до дна, и лопнувшим от морозу деревьям.

– Улеб, – раздавал приказания Асмуд, – удерживаешь южный вход. Твои, Свен, держат тот, что с угла. И ждать! Олдама, бери Варула – и на крышу. Свистнешь! Остальные – за мной! Прорываемся разом, по свисту Олдамы. Твои, Варул, первыми идут!

– Все понял, – кивнул Волчье Ухо.

Караул сняли мигом, будто тех и не было. Тихий свист Олдамы заменил рев турьего рога. Отряд бесшумно ворвался во дворец Сеагриев с трех сторон и сверху. Десяток Варула, заскользил по боковой нижней галерее. Стрелки водили луками по балюстраде верхней галереи-гульбища, ловили цели на балконах и в окнах, пугали кур-несушек и общипанных петухов в покоях дворца.

За позолоченными дверьми открылась пиршественная зала – высоченная палата с тридцатиметровым столом на сотню обжор и выпивох. С потолка свисали знамена, добытые в боях. В конце залы на возвышении стоял трон, а подле него – резное кресло. Стена, выходившая к реке, была прорезана парой щелевидных окон. Слюда, забранная в свинцовый переплет, цедила серое полусвечение, предвещающее зарю.

– Всех сгонять сюда, – приказал Варул. – Свенельд! Фаст! Стерегите двери. Всех впускать, никого не выпускать. Олдама!

Коренастый дренг возник на верхней галерее.

– Кто там у тебя?

– Слуги! – приглушенно доложил Олдама.

– Гони их вниз! Сюда вот!

Завизжала женщина. Напротив пиршественной залы, через атриум с давно уж иссякшим фонтаном, распахнулась дверь, и на каменные плиты двора выбежали растрепанные, очумелые тетки в одних рубахах, с соломой в волосах. Надо полагать, гофдамы. Почти все босиком, гофдамы волокли с собой вороха одежек и обуви.

– Как вы смеете! – срывающимся голосом закричала симпатичная, черненькая конфидентка. – Я особа королевской крови! Я – герцогиня Суассонская!

Олег галантно открыл дверь в трапезную.

– Особу загоняй первой!

– Топай, давай, – добродушно велел Ошкуй и ущипнул герцогиню за мягкое место. Особа королевской крови взвизгнула и влетела в пиршественную залу. Ойкая и толкаясь, за нею последовали прочие «прекрасные дамы». От дам остро несло благовониями и застарелым потом.

– Фрелав! Нур! Стемид! Давай в то крыло!

Варяги шагали темными, сырыми галереями, отчетливо вонявшими аммиаком, через запыленные палаты, по сводчатым коридорам, скупо освещенным смердящими факелами, торчавшими из ржавых гнезд в стенах, пока не вышли в портик зимнего сада, к волглым купам малахитовых колонн. Отсюда был виден Еврейский остров, лежавший против дворца, и просматривалась угловая Луврская башня на правом берегу.

– Аой! – донесся вдруг глухой боевой клич франков. – Аой!

– Эт-то что еще такое? – нахмурился Олег. С чудовищным скрипом раскрылись створки позеленевшей бронзовой решетки, и на пороге возник запыхавшийся Олдама.

– Там! – закричал он, тыча в коридор, и Олег бросился куда указано. Олдама затопал следом.

– Там Тшудд! Ему сказали Шателе братъ, а он палаты грабит!

Олег зарычал от бешенства. Весь план насмарку! Тшудд, сволочь жадная... Взял и все испортил! Франков надо было тепленькими брать. А теперь прольется кровь! Кровь!

Сухов бегом пересек ветхую Галерею правосудия и выскочил на широкий двор между оплотом справедливости и башней Шателе. Из Зала караулов, занимавшего весь низ башни, валили, валили, валили палатины – личная охрана графа Парижского. В чешуйчатых доспехах, как жар горя, и в блестящих касках с петушиным гребнем, они с крыльца кидались в бой, словно пародируя задиристых петелов.

– Аой!

Палатины бросились на варягов Тшудда, таскавших по двору с хабаром – серебряными кувшинами под мышками, золотыми цепями на шеях, ворохами парчи, бархата и траченных молью мехов. Отягощенные добром, русы и биармы падали под ударами франков, пачкая в крови драгоценные ткани.

На Олега навалились двое. Один – огромный палатой с заплывшим глазом, перебрасывавший топор из руки в руку, второй – жиденький, бледный парнишка с прыщавой мордочкой – дрисливый щенок, дворянский ублюдок из мелкопоместных. Палатин с заплывшим глазом, надсадно хэкнув, занес топор и выронил. Опрокинулся на спину. Из переносицы у него торчала стрела. Другой палатин, который пожиже, присел и рубанул Олега по ногам. Сухов подпрыгнул и мечом развалил жиденького почти напополам.

Клокочущая в Олеге ярость уняла муки совести и долила сил. Навстречу, пуча глаза, выбежал Тшудд. На его бычьей шее болтался добрый десяток ожерелий, бус и цепей из тяжелого кованого золота.

– Ты что ж это, гад, творишь?! – прорычал Олег. Коротко ударив Тшудда под нос, он всадил костяшки пальцев в кадык биарму и ударом локтя снес того с ног.

– Слушай мою команду! – гаркнул Вещий. – Стройся «клином»! Мечи к бою! Вперед!

Добрая слава Вещего поднимала его в негласной табели о рангах. Поэтому даже хольды охотно подчинились – они верили Олегу и в те высшие силы, которые ему помогали.

– Валит! – надрывал горло Сухов. – Собери стрелков! Живо! Скажешь, ярл приказал!

Да, это должно было помочь – русские луки били даже под дождем – надежные, как столовая ложка. Но франки того не ведали и не шибко испугались двойного ряда русских стрельцов – утренний воздух сочился влагой, а для франкских стрел такая погода была нелетная, пеньковые тетивы их луков боялись воды. А русские стрелы пели и зудели, звонко и зло.

– Ао-о... – воинственный клич захлебнулся кровью.

Палатинов на флангах расстреливали пачками. И маятник Фортуны откачнулся от франков.

– Олег! – крикнул Олдама. – Наши!

Сухов обернулся. Из-за крепостных ворот донесся рев и дружный лязг. Створки повернулись, как занавес, открывая мост и левый берег. Варяги и франки, разобравшись по парам, ожесточенно рубились, топча влажные доски. Из узкого окна Квадратной башни, дрыгнув ногами, вывалился франк и бросился в Сену. Еще один, развалив копчиком хлипкие поручни, последовал туда же. И тут запели турьи рога и медные трубы. Из тумана, колышущегося над Сеной, выплыли носы лодий. Страшные морды драконов закачались над дощатым настилом.

С громкими криками на мост полезла судовая рать. Франки бросились кто куда, а варяги втянулись в ворота, с ходу сшибаясь с палатинами. Перед Олегом возник сам Лидул Соколиный Глаз.

– Здоров, Вещий! – взревел конунг. Оглядевшись, узрев злое Олегово лицо, расквашенный нос Тшудда и шею его, обмотанную золотишком как шарфом, Лидул все понял и насадил на меч нарушителя дисциплины.

– Я беру башню с улицы, – прорычал конунг, – а Варул пушай сверху ударит! Вы верткие...

Олег отбил меч подскочившего палатина, а Лидул, будто приняв эстафету, добил франка.

– Ошкуй! Валит! За мной!

Сухов сунул меч в ножны и кинулся к тому крылу дворца Сеагриев, которое примыкало к башне Шателе. Олдама уже был на крыше палат и скидывал вниз веревку. Олег взобрался первым, потом поднялся Ошкуй, а Валита они вдвоем буквально выдернули наверх.

– Олдама, готовь «кошку»!

– Это мы мигом...

Оскальзываясь на мхом поросшей черепице, варяги перебежали под стену башни Шателе, сложенную из крошащегося кирпича. Олдама раскрутил когтистую «кошку» и забросил ее наверх, за зубцы парапета. Натянул веревку, обвис на ней. Держится!

Перехватываясь руками за ременной тросик, Олег поднялся на уровень высокого окна, прикрытого резными деревянными ставнями. Мощно оттолкнувшись, он описал дугу и пятками вышиб оба ставня. Сгруппировался, перекатился, выхватывая меч, и вскочил, шепотом матерясь. «Объект МЖ», чтоб их! От вони резало глаза. Толстые граненые полуколонны словно присели под тяжестью сводчатых потолков, а в полу, прикрытая уделанной решеткой, чернела дыра. Из нее дуло и смердело. С потолка на крюках свешивались платя – туалет служил... ну не гардеробной, конечно, а чем-то вроде дезинфекционной камеры.

Со стуком и грюком в окно влетел Валит и перекувыркнулся.

– А... это чего? – скривился он, оскальзываясь.

– Уборная у них тут, – любезно объяснил Олег.

– Засранцы... А одежда зачем? Подтираться?

– Это они так блох выводят...

– Тьфу!

Ошкую и Олдаме измазаться не дали, подстраховали. Вчетвером выскользнули на круглую лестничную площадку.

– Ты, Валит, пойдешь направляющим, – скомандовал Олег. – Ты, Ошкуй... последним пойдешь. Олдама – за мной. Вперед, ищем графа!

Искали с полминуты. Натолкнулись на двух лбов-палатинов, живот готовых положить у вызолоченных дверей, и поняли, что дошли до нужного места. Два кинжала из черной бронзы, пущенные с обеих рук, завязли у палатинов в мощных шеях.

– Стойте здесь, – сказал Олег приглушенно. – Валит, лук приготовь. Если что, поможешь. Только не убивать! Граф нам живым нужен...

Он вернул кинжалы, вежливо постучался и вошел.

Роберт Сильный, первый граф Парижский, действительно был мощного телосложения. Лицо породистое, квадратное, нос перебит и приплюснут, волосы смешно подстрижены в кружок. Босой, в потемневшей от долгой носки рубахе, граф нервно оглянулся на вошедшего и переменялся в лице. Но не струсил – выхватил здоровенный скрамасак³⁴ и метнулся к Олегу, пластая воздух крест-накрест, наискосок. Стрела, выпущенная Валитом, аккуратно пронзила графское запястье. Скрамасак забрякал по плитам пола, утепленным свежей соломой, и Сухов

³⁴ Скрамасак (или просто «сакс») – короткий меч (до полуметра) с односторонней заточкой.

не стал рассусоливать. Он перехватил здоровую руку графа, заломив волосатую конечность так, что его светлость осел на колени, натужно шипя и взрыкивая.

– Не рыпайся, – посоветовал Олег графу Парижскому, – и проживешь долго-долго. Шагом марш!

Отряд спустился в Зал караулов по каменной винтовой лестнице, узкой и скользкой, как шпек в мясорубке. Огромный полукруглый зал был полон – русы загнали палатинов с улицы сюда и теперь теснили, словно отыгрываясь за недавний позор. Варяги и франки кружились, сживая друг друга со свету, рубились почему зря, и низкие своды зала дробили многоголосое эхо.

– Прикажи своим людям бросить оружие! – велел графу Олег. Роберт Сильный бешено глянул на него и тут же полуприсел от резкой боли в вывернутой руке.

– Бросить оружие! – взлаял граф.

Зычный голосище покрыл шум побоища. Палатины оборачивались, на их искаженных лицах проигрывалась гамма чувств – неверие, надежда, облегчение, ярость, презрение. Бойцы расцепились и разошлись, посверкивая глазами. Мертвых разобрали и оттащили до своих.

– Сдавайтесь! – холодно сказал Олег. – И вам всем сохранят жизнь! Иначе... – он приставил к подбородку графа острие меча. – Вас перебьют, а первым умрет граф!

На пять ударов сердца зависла тишина. Потом, с громким дребезгом, на каменные плиты упал меч. За ним другой, третий... и посыпалось.

– Чего вы хотите? – прохрипел граф.

– Как чего?! – комически изумился Олег. – Золота!

Русы загоготали.

– Сколько? – в тоске спросил граф Парижский.

– Тысячу фунтов, – сообщил Олег размер виры.

– Сколько?!

– Ты-ся-чу, – раздельно выговорил Вещий. – Не приbedняйся, граф!

Граф покорно склонил голову. *Domine, libera nos a furore normannorum...*³⁵

– Да-а... – проговорил впечатленный Пончик. – Как в кино сходил... Олег! – вскрикнул он вдруг. – Гляди! Как тогда...

Сухов перевел взгляд на море и оцепенел. Над караваном пылало зарево удивительного сиреневого оттенка. «Как тогда...» Опять открывается темпоральный туннель?! Опять их забросит черт-те куда?

Олег ощутил странное покалывание по всему телу, словно он организм «отсидел». Сиреневые сполохи заиграли, струясь лентами и вихрясь разрывчатыми струями света. Весь мир обездвижел – не вздымались волны, утих ветер, хотя парус по-прежнему пучил полосатое брюхо. В абсолютной тишине накатил синий туман, и пала тьма.

Глава 2,

в которой Олег находит себе нового сеньора, а Пончик определяется во времени

Хвальинское море, 921 год от Р. Х.

В следующую секунду палуба под Олегом исчезла, и вокруг заколыхалась вода цвета светлого изумруда. Внезапный переход от предзакатных сумерек к свету ударил по зрению, по рассудку, но самым невероятным ощущением было иное – вдруг оказаться в воде. Не нырнуть, не плюхнуться нечаянно, а почувствовать в какой-то момент, что вокруг тебя не воздух, а плотная и не очень-то теплая влага.

³⁵ *Domine, libera nos a furore normannorum* (лат.) – Боже, спаси нас от ярости северян.

Олег рванулся к светлой пленке над головой, колыхавшейся и отливавшей серебром, и вынырнул, отряхиваясь и отплевываясь.

Неподалеку барахтался Пончик. Лицо его было бледным, искаженным от страха, а глаза напоминали выпученные буркала глубоководной рыбы, о чем Олег не замедлил сообщить другу. Шурик не обиделся.

– Мы вернулись?! – заорал он, бултыхаясь. – Мы дома?!

– Я доктор? Я знаю? Поплыли к берегу!

До берега было далековато, только выбора не было – плыви или тони. Идти на дно никто не хотел.

– Что ты воду пенишь? – крикнул Сухов. – Экономней работай, а то выдохнешься!

– Я спасаю свою душу! – булькнул Пончик.

– Тело не забудь!

На берег Олег выбрался буквально на карачках и выволок Пончика на сырой песок.

Став на колени, он оглянулся. Не запад катились зеленые валы Каспия, небо было чистым, едва тронутым облачками. На восток от широкой полосы пляжа, замусоренного кучами гниющих или сухих водорослей, поднимались пологие холмы с редкой травой. И ни звука. Даже чаек не слышать. Только море в извечном ритме перелопачивало гальку и обтачивало песчинки, намытые волнами.

– А тут день! – воскликнул Пончик и закашлялся.

– Да ну? – буркнул Олег. – Какой ты наблюдательный... И что ты высматриваешь в небесах?

– Мало ли... Вдруг самолет пролетит...

– Ага, жди, – буркнул Сухов и пошарил по поясу. Древний нож на месте, и то слава богу...

И заветный мешочек...

– Чего ты такой недовольный? Спаслись же!

– Спаслись! – фыркнул Вещий. – Спаслись когда?

– Может, мы вернулись обратно? – неуверенно предположил Шурик. – В 2007-й?

– Не верю, – буркнул Олег. – Слишком уж чисто кругом. Ни бутылок, ни пакетов из-под чипсов... И кто тебе вообще сказал, что мы переместились в будущее?

– А куда ж еще? – округлил глаза Пончик.

– Существует еще прошлое. Или тебе об этом не рассказывали? Провалимся куда-нибудь в нижний палеолит, то-то на мамонтов поохотимся...

– Да чего ты злишься?

– Ха! Чего злюсь... А ты знаешь, сколько я времени угробил на то, чтобы хоть чего-то добиться в тутошней жизни?! Годы! И на тебе, спасся! Где я, мне известно – эти холмы я с борта видел. Вон те, двуглавые. А вот какой век на дворе?

– Ну, не все так плохо, – бодро сказал Пончик. – В какое время мы переместились, я не знаю, но твое умение обращаться с мечом осталось с тобой – этого не отнять!

– Ага, вот только меч мой остался на кнорре. И доспехи тоже! Знаешь, во что они мне обошлись?

– Да я ж понимаю! Только что ж делать-то?

– Костер разводить, – пробурчал Олег. – И греться. Пройдись по берегу, собери, чего посуше...

– Щас я! Слушай, я одного не понимаю. Ну ладно, перекинуло нас... э-э... сюда. А остальных почему не тронуло?

– Не морочь мне голову... Где сушняк?

– Да щас я...

Пончик побрел по берегу, собирая обломки дерева, выбеленные морем, а Олег достал из мешочка кресало и грецкий орех, залитый воском. Вместо ядрышка в орехе хранился сухой трут.

Надергав травы, подтащив ломких водорослей, Олег высек искры. Трут задымился сразу. Нежно поддувая, Сухов добился того, что из искры возгорелся огонек. Подкрепившись сухими стеблями, он загудел, обращаясь в пламя костра.

– Пончик!

– Несу...

Сучья, ветки, обрывок тростниковой циновки – все согдилось в пищу огню. Олег обсох и согрелся. И задумался. Что делать-то? Пробираться к своим? А где они, свои? Хороший вопрос, но сочтем его риторическим...

– У нас две возможности, – рассудил Пончик, вторя Олеговым мыслям. – Можем двинуться на восток, тут неподалеку проходит караванная тропа из Хорезма на Итиль и Булгар...³⁶ Или сдадимся гузам. Хотя я точно не знаю, кто тут кочует... И вообще! Вдруг вечером с моря пароход загудит?!

– Фантазер ты... В любом случае двинем берегом моря на север, а там видно будет...

Пончик снял с себя мокрую рубаху и стал сушить ее над костром, поворачивая то так, то этак.

– Все равно не понимаю... – проговорил он.

– Что тебе не дается, добрый доктор Айболит?

– Ты помнишь, как все случилось тогда, в первый раз? Там физики ковыряли основы мироздания, разбирались в хронодинамике. Затеяли эксперимент и... Случился побочный эффект. Нас – сюда. А теперь что? Какие тут могут быть физики? Тут и слова такого не знают... Может, это... Он?

Пончик неуверенно ткнул пальцем в небеса, боясь ехидных замечаний друга-атеиста, но не дождался.

– Не знаю, Понч, – серьезно сказал Олег. Откинувшись на груды сухого песка, он помолчал и продолжил: – В институте я числился в воинствующих безбожниках, чуть ли не в язычниках. У нас на даче даже идол стоял, я его аж с Алтая волок. Хватило ж ума... А попов как высмеивал... Куда там антирелигиозной пропаганде! Сектантов всяких, вроде иеговистов, громил по-страшному. Они в дверь стучатся, начинают про Библию толковать, и пошла дискуссия – они мне слово, я им – десять... Всяко бывало. Злорадничал даже, когда священники ныли о порушенных большевиками храмах. Так, думаю, вам и надо! Жгли капища, когда Русь крестили? Вот вам и аукнулось! А сюда попал и...

Олег смолк. Пончик уселся, поерзал и напомним, не выдержав:

– И что здесь?

– Язычество здесь, – усмехнулся Сухов. – Во всей своей красе. Ей-богу, устал я от него. До тошноты. Помню, читал про дубы, посвященные Перуну, мечтал посмотреть в натуре... Посмотрел. Да ты и сам их видел – на каждом суку по человеку висит, птицами обклеванному, а земля у корней черная, жирная – ее кровью поливают... И как же это «святое место» смердит!

– Да уж, – сморщился Пончик, – хоть нос зажимай...

– И это ж постоянно, – продолжил Олег, – всегда и везде. Для Хорса мы девушку топим в реке. Чтобы Водана ублажить, пленных потрошим, да так, чтобы самих обрызгало кровью жертвенной – на счастье... М-мерзость! Знаешь, так порой хотелось убежать от этого, скрыться, а куда? Язычество – это ж не что-то отдельное, для капищ предназначенное, оно повсюду, вся жизнь по его правилам разложена – дома, в лесу, на море, на службе конунгу!

³⁶ Итиль – так называлась река Волга и столица Хазарского каганата, ядро которого совпадало с дельтой этой важной водной артерии. Булгар – государство, расположенное на берегах низовьев Камы и у Волги.

Это как на зоне – не верь, не бойся, не проси. И захочешь по-иному жить, а не можешь – на волю ход заказан!

– А ты не пробовал в церковь сходить? – несмело спросил Пончик. – Поставишь свечку, и вся жертва – без крови и кишок. И не воняет там...

– Ты крестился, что ли? – спросил Сухов с удивлением.

– Да меня еще в школе крестили, – смутился Шурик. – Я отбивался, кричал, что не хочу, что мне стыдно перед ребятами, а мама упростила-таки. Для меня, говорит, крестись, пусть мне спокойней будет...

– Ох, не знаю, Понч... Понимаешь, креститься-то легко. Любой поп рад будет язычника обратить, вот только где я веру возьму? Нет ее во мне!

– Олешка, да тут никто не верит! Они все просто знают, что Бог есть, и принимают это без доказательств. Весь спор из-за того, какой Бог или боги истиннее...

– Им легче, а мне как раз доказательства подавай...

– Зачем? – неожиданно спросил Шурик.

– Как это – зачем?

– Зачем тебе нужны доказательства? Чтобы установить истину? Но кто же верит в истину? Ее положено знать! А Бог – это не закон природы...

– Слушай, – спросил Олег заинтересованно, – а ты сам-то веришь в Бога?

– Честно?

– Честно.

– Я хочу верить в Него, но у меня это плохо получается. И я придумываю окольные пути – представляю себе Господа как Мировой Разум, или как Гомеостазис Мироздания... Так проще, понимаешь? Это я могу понять, с этим мне легче смириться... В Альдейгьюборге всего одна церквушка, но я не то что хожу туда – я убегаю в храм. Успокоиться чтоб, сил набраться, прийти хоть в какое-то равновесие. В Питере мне это было не нужно, а здесь тянет...

– Ох, не знаю, Понч... Я сейчас, как в чистилище – отмываюсь от крови и слизи. От язычества вроде как отступился, к вере истинной шагу не сделал. Пока. Да и какая истинна? Под каким знаком эту истину искать? Под крестом? Под полумесяцем? Под звездой Давидовой?

– Ты таки немножечко еврей? – ухмыльнулся Пончик.

– Молчи, смертный... Пошли лучше рыбу ловить.

* * *

С великим трудом наколов рыбину на самодельную острогу, Олег вывалял улов в золе, чтоб солоней было, обмазал глиной и запек в костре. Блюдо получилось пресноватым, зато питательным.

Привалившись к теплому песчаному склону, Сухов задумался. 2007-й... За все эти годы он редко вспоминал свое прошлое, которое теперь стало будущим. Просто некогда было заниматься ерундой. Служба в дружине отнимала все его время и силы. Но он никогда не раскаивался в своем выборе. Недаром время сие называли «военной демократией». На всем Севере – от Рейна до фиордов, от Дуная до Волги правили конунги, князья, рейксы, кунингасы и прочие, могущие собрать дружину, чтобы беречь мирное население и не давать спуску чужим. Брать за эту услугу дань, а для пущей славы ходить в походы за пределы подведомственной территории.

Уже сама принадлежность к дружине почетна, ибо не всякого берут гриднем, а лишь самых лучших – сильных, храбрых, умелых. На гридней заглядываются все девушки, старейшины здороваются с воинами, ибо те и защищают народ, и правят им.

Эти вещи он учил в школе, повторил пройденный материал, когда увлекся ролевыми играми с исторической реконструкцией. Но то были именно игры, развлечение для людей из

2007-го, которые кое-как разбираются в средневековом вооружении, но имеют смутное представление о нравах той поры, о житье-бытье.

И только угодив в век девятый, Олег почувствовал разницу. Только здесь, погрузившись в раннее Средневековье по самое «не хочу», он понял, до чего же безопасным было его «родное» время.

Отправиться на пикник за город. Спуститься на байдарках по реке. Ехать в одиночку по пустынной трассе. Все это было возможно и здесь, в «эпоху викингов», но мало кто решался на подобное, ибо вместо шашлычков тебя самого могли нанизать на меч, а вольного путника обратить в раба.

Здесь купцы сбивались в огромные караваны по пять тысяч человек, нагружая товаром целые табуны лошадей и стада верблюдов. Тут каждая вшивая деревня была обнесена крепким частоколом, и каждый дом по очереди выставлял дозор.

Да что говорить о гражданских, когда и самим воинам не давали покою – набеги кровавых соседей случались постоянно. Впрочем, русы тоже не ангелами числились...

В начале века русы под водительством Бравлина конунга грабили Эгину, Амастриду, Фессалоники, Таврию. В 845-м варяги брали на щит Севилью. Об этом в истории остались горестные строки, писанные ал-Якуби: «В город Исбилию вошли в 229 году хиджры поганые, называемые ар-Рус, которые захватывали пленных, грабили, жгли и убивали...»

Да и стоит ли перечислять? Мало было крепостей и богатых градов на европейских берегах, кои не испробовали русского меча!

И быть причастным к этой славе, самому копить силу, занимаясь «греблей и фехтованием», было приятно. Еще лет десять такой жизни, и он мог бы выбиться в ярлы, собрал бы свою дружину, обзавелся бы парой лодий... Или двумя парами. А на старости лет заделался бы купцом, отправился бы с караваном в Индию, в Китай...

А теперь что? Какое время на дворе? К кому тут примкнуть? Какому сюзерену служить, славу плюс золото-серебро добывая? У него даже меча нет! Все, нажитое воинским трудом, все исчезло, растворилось в прошлом. Или в будущем...

– Паруса! – завопил вдруг Пончик, подпрыгивая. – Олег, гляди! Там паруса!

Сухов вскочил и приложил ладонь козырьком ко лбу. С севера шли лоды под полосатыми парусами.

– Наши, да? – прыгал возбужденно Пончик.

– А что, ты уже рад остаться в прошлом?

– Все лучше, чем в плен к кочевникам угодить!

– Тоже верно... Тащи водорослей посвежее! Дым пустим!

– Щас я!

Олег и сам бросился собирать горючий материал, подкидывая в костер все, что давало пламя. Повалил дым, серым столбом поднимаясь в небо. Заметят или не заметят?

Пончик приволок охапку водорослей и вывалил их в костер.

– А это точно наши? – осторожно спросил он.

– Видишь, какие паруса? В белую и синюю полоску. Бывают еще в белую и красную. Их шьют из разных тканей, так лучше. И шьем только мы или нурманы. Так что либо варяги пожаловали, либо викинги. Но кто бы пропустил в наши реки чужаков? Значит, варяги...

Сигнал был замечен – одна из лодий повернула к берегу. Медленно, очень медленно она вырастала в размерах. Олег жадно разглядывал приближающийся корабль, но никаких особых отличий от виденных ранее не замечал. Тот же развалистый корпус, изящно переходящий в завиток кормы и в высокий форштевень, увенчанный зубастой и рогатой головою. Тот же широкий парус, оттянутый десятком шкотов, те же ряды весел, с идеальной точностью забравших воду, и ряды круглых щитов, вывешенных по бортам.

Парус поник, заколыхался, вздуваясь и опадая, и его спустили. Гребцы прибавили ходу.

Шагах в двадцати от берега огромный загорелый мужик в шлеме и кольчуге уперся в борт ногой, затянутой в кожаные штаны, и проревел:

– Кто такие?

Олег сложил руки рупором и прокричал:

– Гриденя я! Купцов сопровождал! Буря случилась великая, наш корабль затонул, спаслись только мы! А это друг мой, лекарь знатный!

Мужик сделал знак гребцам, и те подвели лодью к самому берегу.

– Меня называют светлым князем Инегельдом Боевой Клык, – представился он, – и гридни мне нужны. Если они гридни! Ну-ка...

Пощелкав пальцами, князь принял протянутый ему меч и перебрал его Олегу. Сверкающая полоса отточенной стали мелькнула в воздухе, но Сухов не сплеховал, ухватил клинок за рукоять и занял боевую стойку – вполоборота, меч острием вверх.

Инегельд высадился, проплюхал по мелкой воде и вдруг из неуклюжего создания превратился в стремительного и опасного бойца. Его тяжеловатый полуторный клинок завертелся с бешеной скоростью – казалось, сам Шива обрушил на Олега удары одновременно со всех сторон, сверху и снизу.

Сухов устоял. Князь был воином изрядным, и нанести ему удар, сделать выпад Олегу не доставало ни сил, ни умения. Весь его талант меченосца уходил на то, чтобы не допустить чужое лезвие к коже, не дать ранить себя. Он изнемогал, выкладываясь полностью. Еще немного, и...

Боевой Клык внезапно отшагнул, и резко отвел меч в сторону, опуская его к земле.

– Годится! – пробасил он. – Звать как?

– Олег Вещий, – брякнул Сухов.

Инегельд весело загоготал, а за ним и все гребцы-молодцы грохнули.

– Ты только великому князю нашему не говори своего имени, ладно? – попросил Клык, утирая глаза.

– Виноват я, что ли, если прозвали так? – пробурчал Сухов и поинтересовался: – А кто великий князь ваш?

– Халег³⁷ Ведун, – гордо сказал Инегельд, – наследник Рюрика и пестун сына его Ингоря, владетель Альдейгьюборга и Ногарда.

«Десятый век!» – щелкнуло у Сухова. Раньше Ногарда-Новгорода просто не существовало. Узнать бы еще год... Когда там Олег помер? И тут Сухова окатило – знать, не он та историческая личность, что собиралась отмстить неразумным хазарам и обречь их села и нивы пожарам за буйный набег! Ну и слава богу... Легче жить без ответственности перед будущими поколениями.

– Ладно, полезай на борт, – велел Боевой Клык. – Ивор! Освободишь весло для новенького!

– С радостью, – спокойно сказал невысокий парень с узким лицом и длинными белыми волосами, собранными в два «хвоста».

– А я? – закричал Пончик. – А меня?

По лодье снова прокатился смех.

– Лекарь нам тоже надобен, – решил светлый князь. – Залазь!

Пончик вскарабкался на лодью быстрее Олега и устроился в самом широком месте – у мачты. Там уже сидел какой-то оборванец в грязной чалме, уныло перебирая четки из деревянных бусин.

³⁷ Славянофилы очень любят возводить имя «Олег» к норманнскому «хельги», что значит «святой». Однако среди русских имен, известных по летописи, не встречается тех, что имели бы германское происхождение. У них или кельтские корни (Карл, Лют, Прастен, Фрелав, Тилен, Берн), или венецианские (Борис, Карн, Акун, Удо), или персидские (Фроутан, Алвад, Мутур). Имя Халег – того же ряда. По-персидски оно означает «творец».

Сухов перекинул послушное тело через борт и занял место Ивора, взял в руки теплую рукоять весла, отполированную мозолистыми ладонями.

– Весла на воду! Поворот!

Лодья плавно развернулась.

– Парус ставить!

Полосатое ветрило захлопало, раздуваясь и принимая в себя попутный норд.

Пончик повозился, поглядывался и начал знакомиться с экипажем.

– Ты по-нашему разумеешь? – спросил он унылого в чалме.

Тот кивнул.

– Звать как?

– Саид я...

– А меня Шур. А чего ты тут делаешь?

– Плыву...

– Да это понятно, что не летишь. Ты тут кто?

– Толмач я...

– Переводчик, значит. Ага. С какого?

– С арабского...

– Еще яснее. Я смотрю, тут много лодий плывет...

– Шестнадцать. Светлый князь в поход собрался и сын князя с ним на пару.

– Ага... Понятно... И куда ж они все намылились?

– Ширван грабить...

– Ух, ты... А год какой сейчас, не скажешь?

Унылый Саид очень удивился, даже четки перебирать перестал.

– Двести девяносто девятый год хиджры, – ответил он.

– Хиджры?

Пончик нахмурился. Черт, как же ему совместить обычное летоисчисление с этой хиджрой? Нужна понятная обоим веха... О! В 861-м убили халифа Ал-Мутаваккиля.

– А скажи мне, досточтимый Саид, в каком году его святейшество Ал-Мутаваккиль отправился к Аллаху?

Поглядев на Пончика с интересом, Саид ответил. Шурик посчитал, проверил еще раз, потом подполз к Олегу поближе, и прошипел:

– В девятьсот двадцать первый нас занесло! Малость не докинуло до дому!

Олег кивнул только. Он старательно греб, не глядя на тех, кто греб впереди него, не оборачиваясь назад. Придет время, и он узнает всех, кто с ним в одной лодье...

Глава 3,

в которой Олег получает новое прозвище

Для ночевки русы выбрали берег севернее Дербента. В этих местах степные просторы ужимались до узкой полоски приморской низины. Она то снежными проплешинами солончаков покрывалась, то прорастала ярко-красным покровом солянок, почти вплотную подходящих к морской воде. Пушистые кусты пряно пахнущего тамариска оживляли пески пляжей. А дальше к западу вскидывались зеленые, пока еще не выгоревшие предгорья, изрезанные синими вилюжинами ущелий. По кручам ссыпались кусты татарника, редкие сосенки и можжевельник. В предгорных низинах путались в лианах замшелые рощи с густым подлеском из кизила и терна, а на травянистых лужайках дыбились могучие ореховые деревья.

К подножиям жались убогие кутаны – нижние укрытия для чабанов и овец. Загоны строились из камня, из него же складывали круглые убежища типа юрт. Здесь отары спасутся, когда спустятся с горных пастбищ – уж очень любили барашков тутошние волки. А кавказских тиг-

ров стоило опасаться и мелкому рогатому скоту, и пастухам – кто их знает, полосатых? Баранкой придут полакомиться или человечинкой закусят?

Варяги подтащили лодьи поближе к отмелому берегу и канатами привязали к вбитым кольям. Песок пляжей был настолько плотен, что не оставлял следов. Загорать на таком не тянуло, да и времени не было для солнечных ванн – половина воинов занялась укреплением лагеря и стоянки кораблей, а остальные отправились на охоту, убредая по густой и высокой траве – жирные фазаны вспархивали из-под ног и падали, сбитые стрелой, а то и дубинкой. Славный выйдет ужин!

Олегу выпало строить оборонительное сооружение. Вооружившись деревянной лопатой со стальным набоем по режущему краю, Вещий вместе с сотнями новых товарищей копал ров, ограждающий лагерь, и накидывал землю на вал, где на глазах вырастал частокол. Фортификаторы переговаривались:

- Тилен! Подмогни-ка, тут каменюка...
- Щас я!
- Да ты на вал сыпь!
- А я куда?
- На сапоги мне!
- Ништо...
- Вот огрею по хребту лопатой, тогда узнаешь, што или ништо!
- Поддень!
- Да поддел я. Тут корни какие-то...
- Ивор! Кинь топор!
- Держи!
- Подруби.
- И-эх! Готово!
- Кормить нас скоро будут?
- Так ты ж уже ел!
- Да когда это было?
- Копай, давай! Тут осталось-то...

Тяжелая работа горячила мышцы, а множественное шарканье и перестуки грели дух – Олег был в общем строю, он участвовал в походе, «не отрываясь от коллектива». Князь даже презентовал ему персидский меч караджур. Что еще нужно для счастья? Доспехи бы... Ну, это дело наживное. Дураком надо быть, лентяем или трусом, чтобы в военном походе не разжиться золотишком! А за золото любую сталь купишь... Сухов усмехнулся – здорово его эпоха «перековала». А что делать? Жизнь такая... Как кочевнику прослыть героем в глазах девушек? Ему надо украсть коня или отбить от стада пару-другую коровенок – это уголовное деяние расценивается как подвиг. А русу как добиться почета и уважения? Да по тому же сценарию – сходить в поход и вернуться с добычей. И ведь что интересно, разбоем это никто не считает. Грабят-то чужих, а они все – вне закона. Зато, не дай бог, пришибешь своего или ограбишь соседа – мигом виру стребуют, в разор введут. Таков языческий закон. Правда, даже убийцу не предадут смерти, самое большее – изгонят на тридцать лет и три года. Такие вот правила бытия у варваров: со своими – по закону, с чужаками – по понятиям. С другой стороны, после падения Рима вся Европа скатилась к варварству. Здесь все так живут – и степные народы, и оседлые, и короли, и папы римские – тянут все, что плохо лежит, а то, что уложено хорошо, берут с боем. Нехорошо выделяться...

Часа через два лагерь был укреплен, и его внутреннее пространство, защищенное от внешнего мира, вспухло десятками шатров из кож или войлока. Разгорелись костры, поплыли запахи каши и печеной дичи.

К костру Олег подсел с чувством исполненного долга. Пожилой рубака по имени Турберн Железнобокий сунул ему полную миску каши и плюхнул сверху фазанью «голяшку».

– Ешь... – проворчал он.

– Всегда готов, – ухмыльнулся Олег, доставая ложку из-за голенища. И пошел наяривать. Хмыкнув, Железнобокий подложил ему добавки. Сухов и ее схомячил. И почувствовал, что жить – хорошо! Уже в полной темноте к костру подошел князь Инегельд.

– Турберн? – гуднул он.

– Тута я, – донеслось в ответ.

– Ага...

Боевой Клык подстелил плащ и устроился на песке, вытянув ноги. Рядом присел на корточки Саид.

– Разговор есть, – веско сказал князь.

Олег привстал, чтобы уйти, но Клык остановил его жестом.

– Раз ты с нами, – молвил он, – мне таиться не с руки. Халег! – кликнул он.

– Иду! – донеслось из темноты.

Меж костров и согбленных черных фигур прошел Халег сын Ингоря, совсем еще молодой парень, типичный царевич из сказок – белокурый, краснощекий, курносый и лопоухий.

– Садись, – предложил ему Клык, уделая место у костра.

Княжич сел и придал лицу выражение скромного достоинства. Из полутьмы, запутанной светотенями, вышли еще трое свободных ярлов, присоединивших свои лодьи к княжеским.

– Короче, – начал Инегельд. – Надумал я Дербент брать. Как его у вас называют? – поинтересовался он у княжича.

– Дербень, – сказал Халег и ухмыльнулся во все тридцать два зуба.

– Во-во... Саид там проживал как-то. Ну, чего молчишь?

– Дарбанд вам не взять, – встрепнулся толмач. – Ни в жисть! Знаете, как арабы нарекли его? Баб-аль-Абваб, то бишь «Ворота ворот»! Дарбанд перегораживает узкий проход между горами и морем – это город-забор, город-засов. Две стены его, высокие и крепкие, тянутся с горных склонов до берега почти четыре версты, а поперек Дарбанд пройдешь, сделав полтыщи шагов...

– А с гор не обойти? – деловито спросил Халег.

– Это невозможно! – замотал головой Саид. – На западе стены замыкает цитадель-кухендиз, а дальше в горы, аж на сорок верст, уходит Горная стена, усиленная десятком квадратных крепостей с круглыми башнями по углам...

– Мы не собираемся лазать по горам! – нетерпеливо вмешался ярл Вуефаст Дорога – Ты лучше скажи, как к этому Дарбанду с моря зайти.

– Тамошняя гавань тоже защищена прочными стенами из камня, – заторопился Саид, – они уходят в море большим полукругом, оставляя для кораблей проход, запираемый цепью...

– Цепью, говоришь... – протянул Клык. – Цепь – это плохо...

– А богат ли Дарбанд? – поинтересовался ярл Олав Лесоруб. – Может, не стоит и возиться?

– Дарбанд – великий город! – ответил Саид с придыханием. – Он больше Дамаска или Иерусалима, там завязываются торговые пути с востока и запада, севера и юга! Это очень богатый город.

– Значит, будем брать, – удовлетворился Олав.

– Так я ж говорю... – начал Саид проникновенно, но Боевой Клык оборвал его.

– Мы уже слышали о неприступности Дербента, – сказал Инегельд. – Его не взять хазарам и гузам, только мы – другие. И Дербент будет нашим! Слышь, Турберн... Как думаешь, ежели нам с гавани начать?

– А иначе никак, – пожал плечами Железнобокий.

– Знаешь, какая у меня думка? Хочу к Дербенту ночью подойти...

– Думка хорошая, – признал Турберн, – но цепь...

– Да видали мы эти цепи... – отмахнулся Клык с пренебрежением. – В Миклагарде такие же и в Херсоне. Там у них ворота стоят, вроде тех, что у нас по волокам расставлены, только не деревянные, а из железа. Ими ту цепь и натягивают – между двумя башнями, когда надо. А когда не надо, опускают на дно. Можно и дербентскую цепь опустить...

Турберн выставил мосластый палец и сказал внушительно:

– Это, если кто изнутри стражу снимет и открутит ворота.

– О! – просиял князь. – Я к тому и веду. Знаю я, что на лодьях хватает пушного и прочего товару. Ежели его собрать в кучу, можно в Дербент наших отправить под видом купцов. Они там все, что надо, разузнают, со стражниками разберутся и опустят цепь. И мы в Дербенте!

– Дело говоришь, княже, – оценил Турберн затею. – А кто пойдет?

– Желających я найду быстро, – хмыкнул князь. – Сам-то как?

– А чего ж не сходить? – ответил старый варяг. Его глаза блеснули в свете костра.

Как Олегу показалось – хищно. – Сходим.

– И кого б ты взял с собой?

– Ивора. Свена. Стегги. Воиста... Да найдется кого взять! Загвоздка в том, что из наших мало кто говору сарацинскому внемлет...

– Вот! – увесисто сказал князь. – То-то и оно... Хм. Слышь, Олег, ты ж вроде купцов в Абесгун сопровождал... Как по-сарацински будет «здрасте»?

Сухов вздрогнул, выходя из задумчивости, и ответил, не думая:

– Салям алейкум! Только это не здоровья пожелание, а мира.

– Слыхал? – ухмыльнулся Клык. – Берешь?

– Такие люди нам нужны, – сказал Турберн и хлопнул Олега по плечу. – Со мной пойдешь.

– Так точно! – ляпнул Сухов, но Железнобокий не обратил на его слова внимания.

– Тогда укладывайтесь, – приказал князь, – подниму с первым светом.

– Лошадей бы сыскать, – закричал Турберн. – Не переть же на себе весь товар! Да и приметен пеший...

– Я Саука, сына Тааза, в степь послал с молодцами, – успокоил Клык ветерана. – Саук из грузов, в лошадях знает толк.

– Эт-точно, – повеселел Железнобокий и строго скомандовал: – Спать всем!

Олег противиться не стал – за день умаялся так, что телом ворочал лишь силой воли. Завернувшись в кошму, он уснул почти мгновенно.

* * *

Разбудило его конское ржание. Лошади отаптывались по ту сторону частокола, фыркали недовольно. Турберн проговорил что-то, Олег со сна не разобрал, что именно, зато расслышал ответ.

– Кони добрые, денег не жалко, – донесся резкий голос, «джокающий» по-гузски. – У аланов сторговали...

– Да ты целый табун привел, – недовольно сказал Железнобокий. – Куда столько?

– Как куда? Верховые надо? Надо! Вьючные надо? Надо! Куда ж без них? И запасные тоже надо!

– Надо ему... – продолжал ворчать Турберн уже больше для порядку. – А кормить их чем?

– Сами отыщут.

– А седел где столько набрать?

– Да они оседланы! Десять седел и еще три, этого хватит.

Олег сел, потянулся, протер глаза. Вдали над спокойным морем серело небо, обещающая заря. Сухов вздохнул. Все хорошо в службе воинской, одно плохо – вставать приходится рано.

– Турберн! – жизнерадостно прогудел князь. – Все ругаешься? Чем опять недоволен?

– Коней ему много! – пожаловался Саук.

– Тебе не угодишь! – по-прежнему жизнерадостно вострубил Клык. – То мало ему, то много... Одного для меня седлайте, я с вами двинусь.

– А лодьи? – строго спросил Железнобокий.

– Халег поведет. Верно говорю?

– А то! – гордо откликнулся Ингорев сын.

– Собираемся, грузимся и едем. Хватит сидеть.

– Поесть бы... – робко высказался огромный Малютка Свен.

– В дороге полопаем, – отрезал князь. – Все, по коням!

Олег влез в седло и помахал Пончику. Тот ответил и несмело улыбнулся, а Сухов подумал, что попрощался с единственным человеком, близким ему. Были у него друзья-товарищи, да где они сейчас? Ошкуй, Олдама, Валит... Если они и живы теперь, то им всем под сотню лет. Вряд ли в этом времени найдешь таких долгожителей... А каково Пончику? Он же любил свою Чару. И что ему делать? Искать возлюбленную? А найти кого? Древнюю развалину, маразматичку беззубую? Вот ужас-то...

«Зато мы с Пончем все те же!» – утешил себя Олег. Не допрыгнули до своего времени? Ну, что ж теперь делать... Не сейчас, так потом. Знать, есть сила некая, что заботится о равновесии в природе, о гомеостазисе мироздания, и стремится та сила сохранить баланс меж временами, тащит провалившихся в прошлое назад, в будущее... Вот только не всегда дотягивает.

Десяток варягов двигался без спешки, постепенно одолевая узкую и опасную Каспия виа, как римляне называли дорогу между морем и горами Кавказа. В поводу бойцы-купцы вели выючных лошадей, груженных мехами, моржовой костью и воском – все без обману! Саук, сын Тааза, скакал поодаль, подгоняя табунок запасных коней. Запасные брыкались и встряхивали пышными гривами, но не разбегались далеко, чуяли близость хищников. А еще им нравились соленые сухарики, которыми их угощал гуз.

– Турберн! – взревел князь и оскалился в приливе добрых чувств. – Говорил я тебе, что заново дюжину заведу? Говорил?

– Было такое, – согласился Железнобокий.

– Во! Доконали аланы Шибрида Двуглавого – Саук встал на его место. И Олег еще...

– Тогда это не простая дюжина, князь, – подал голос Сухов, – а «чертова».

– Это как?

Ругнувшись про себя и на себя, Олег выкрутился:

– Дюжина – это когда двенадцать, а я – тринадцатый. Стало быть, чертова дюжина.

– А почему чертова? Черт – это кто?

– А-а... Ну, это так говорится. Черт – это... э-э... див такой. Или тролль.

– Мне нравится! – ухмыльнулся Клык.

– Не понял, – нахмурил лоб Малютка Свен. – А при чем тут тролль?

– Можно двенадцать разделить на два? – вопросом ответил Олег.

Малютка глубоко задумался.

– Можно, – бодро ответил Воист Коварный. – Будет два раза по шесть.

– Правильно. И на три можно дюжину разделить, и на четыре, и на шесть. А вот чертова дюжина делится только на себя, на тринадцать. Никак ты ее больше не разделишь!

– Здорово... – впечатлился Свен. – Ловко ты считаешь... Олег Полутроль!

Турберн с князем рассмеялись.

– А почему Полутроль? – поинтересовался Олег.

– Ну, ты ж поменьше тролля... И не такой страшный!

Тут уж вся «чертова дюжина» захохотала, включая и Сухова. Олегу полегчало даже – быстро ему «погоняло» дали, и достаточно почетное. Троллей русы уважали.

Долог ли, короток ли был путь, но и ему конец пришел. Засветло варяги спустились в широкую пойменную долину, заросшую вязами да грабами, пересекли маленькую каменистую речушку, взобрались по травянистому откосу и вышли к Дарбанду-Дербенту.

Могучая стена со ступенчатыми зубцами поднималась в вышину на пятьдесят локтей, соединяя сорок шесть мощных башен – круглых, квадратных, восьмиугольных. По левую руку стена уходила в море (огромные зеленые валы взбивали пену на плитах тесаного известняка), а по правую руку дотягивалась до крутого скалистого холма, карабкалась по его склону, к вершине, укрепленной желтыми стенами цитадели. Под холмом раздавалось сырое ущелье, заросшее кизилом.

Баб ал-Кабир – Большие ворота – были открыты. Через них варяги и въехали в город, сунув стражникам горсть медных даников.

За стенами они тотчас же окунулись в шум и гам. Толпы людей бродили вдоль и поперек, торговали или приценивались, степенно обсуждали дела или бурно ругались, призывая в свидетели Аллаха, бродили без цели или сидели у стен, сосредоточенно потея на жарком солнце. Разноязычному говору вторили надрывные крики ослов и верблюдов, и вся эта зверино-людская мешанина тусовалась и перетасовывалась, поднимая пыль в вечной круговерти купли и продажи, спроса и предложения.

– Двигаем к постоялому двору! – крикнул Боевой Клык. – Сложим товары, пристроим коней... Осмотримся.

По широкому проезду варяги вышли к одной из трех улиц, тянувшихся от цитадели до моря, и поднялись по ней до громадной трехнефной Джума-мечети с бирюзовыми куполами. Рядом с нею отыскался солидный караван-сарай, четырехэтажное здание, замыкающее в себе квадрат внутреннего двора. За умеренную плату русы сдали на хранение товар и завели в конюшню лошадей. Облегченно вздохнув, князь сказал:

– Разделяемся. Стегги с Алком торговлей пусть займутся – хорошо бы все до вечера продать, а мы походим... Когда солнце коснется гор, собираемся здесь. Потолкуем...

Все кивнули и разошлись. Олег Полутроль отправился на разведку вместе с Малюткой Свеном и Ивором Пожирателем Смерти. Если Свен здорово напоминал Сухову старого знакомого Ошкуя – такой же был здоровенный, и добродушный с виду, то Ивор казался личностью куда более интересной. Невысокий, стройный и сухощавый, он всегда носил одежду из кожи, как охотник-лесовик, только вот его оленью куртку крест-накрест перетягивали две перевязи, а тонкие, изящные ладони всегда лежали на рукоятках пары мечей. Лицо его так и тянуло назвать одухотворенным, интеллигентным даже, хотя Ивора никто не обучал грамоте. Единственной преподанной ему наукой была наука побеждать, а искусство, которым он владел досконально, звалось боевым. Пожиратель Смерти всегда хранил невозмутимое спокойствие. Не гоготал, как бесхитростный Свен, улыбался только. Но и не ярился. Когда другие орали от бешенства, Ивор сжимал губы в нитку и щурил серые глаза. Удивительно просто, до чего же Ивор и Свен были различны! Малютка – натура шумная, разгульная, душа нараспашку, этакий Портос. Пожиратель Смерти всегда скромн и собран, аккуратен, говорит тихо, но из них двоих именно Ивор был по-настоящему опасен. Не для Олега – тот был своим, а для врага. Ивор рожден воином, талантливым убийцей. Арамисом в квадрате.

– А тут и поперечные стены поставлены, – заметил Пожиратель Смерти, окидывая взглядом стену, перегородившую город.

Олег кивнул согласно. Вокруг него раскинулись сады, огороженные высокими каменными заборами. Тут, в двухэтажных домах под черепичными крышами, за окнами, заделанными круглыми стеклами, живут люди богатые, владельческие или знатные. Это Верхний город.

В нем высится соборная Джума-мечеть, и шумят купцы на базарной площади, журчат фонтаны, плещутся бассейны-хаузы и поют бездельные красотки, запертые в женских покоях.

И есть Нижний город – вон там, за широкой поперечной улицей. Это тоже Дербент, но второго сорта. Дербент плосковерхих глинобитных домишек, грязных, немощеных улиц, крошечных огородиков и множества мастерских – кузнечных, гончарных, стекольных. Отсюда происходят слава и богатство Дербента, но достаются они купцам и раисам-начальникам из Верхнего города.

Сверху были видны три продольные улицы Дербента. Северная улица, что тянулась вдоль крепостной стены, не проходила между домами – опасное околостенное пространство оставалось незастроенным. А вот к южной стене дома лепились вплотную. За нею открывались глазу склоны холмов, где кустарник перемежался зарослями орешника. Воздух с юга шел горячий, пряный и немного терпкий.

– Если тут и есть что грабить, – высказался Олег, – то в Верхнем городе, а добираться до него от гавани лучше всего вдоль северной стены.

Ивор кивнул согласно, а Свен прогудел:

– Никто и не заметит!

– Точно... Пошли.

Трое вышли на шумливую базарную площадь. Со всех сторон ее замыкали крытые столбчатые галереи – это были места для купцов побогаче. Торгаши попроще занимали ряды под солнцем. Кого тут только не было! Из Персии, из Византии, из Сирии приезжали сюда торговые гости, из Индии и Китая наведывались, а уж товару было – ну просто завались!

– Шелковые ткани! – надрывалась зазывала. – Бодрят тело!

– А вот фру-укты! Сладки, как любовь красавицы!

– Мечи, мечи! Клинки булатные, клинки дамасские!

– Купите «масхури»! Полотно льняное, носить приятно, а стоит недорого!

– А вот стекло! Купи стекло! И тепло с ним, и светло!

Олег, следуя за Ивором, миновал ворота в поперечной стене, пересек широкую улицу, мощенную булыжником, и углубился в лабиринт узких улочек Нижнего города.

Здесь не слышались крики зазывал, не брэнчала музыка. Здесь лязгали молоты и стучали ткацкие станки, гудело пламя в горнах, и верещали голые дети, играющие на траве и делящие ее с худыми козами.

Ближе к порту домишки еще более обветшали, пошли сплошь обшарпанные турлучные хижины, сплетенные из ивовых прутьев и обмазанные глиной, а после и вовсе потянулся пустырь Дубара, заросший кустами тамариска.

Берег моря, зажатый каменными стенами, опять «пророс» домами и сараями – тут селились рыбаки и грузчики-амбалы, корабельщики и моряки. На кольях сохли сети, на грязный песок накатывался ослабевший прибой. Пахло рыбой, битумом и стружками. По причалам шныряли неясные личности, наверняка с ножами и свинчатками. Подлый народец. Завидя троицу, они принялись кружить вокруг, и Пожирателю Смерти пришлось выполнить простенький этюд – молниеносно выхватив оба меча, он описал ими сверкающие круги и бросил обратно в ножны. Шпана рассосалась.

– Вон где цепь натягивают.

Олег остановился на берегу и кивнул в сторону гавани, наполовину полной пузатыми кораблями со вздернутыми носами и гнутыми диагоналями реев, приспособленных под косые паруса-«сетти». Стены закруглялись, охватывая порт, и почти сходились краями, увенчанными громадами граненых башен.

– По стене – в башню, – добавил Ивор, – и к воротам.

– И тихонечко опускаем цепь, – заключил Свен.

– Именно.

Пожиратель Смерти поглядел за спину – солнце почти касалось гор.
– Пошли, потолкуем...
И они пошли.

* * *

Возвращалась троица не Средней, а Южной улицей и сразу наткнулась на большую толпу народу. Люди в бедных одеждах были растревожены и злы, детишки-голыши возбужденно метались между взрослыми, как челноки.

– Чего это они? – удивился Свен. – Слышь, Олег?

Сухов прислушался к звукам чужой речи. Арабскому его учил купец из Багдада, почтенный Абу-Зайд Халид ибн ал-Йазид ас-Самарканди. Учителем Халид был хорошим, но сколько той учебы? Олег поднатужился...

– Они говорят, что эмир Абу ал-Малик Первый совсем стыд потерял... Средь бела дня похитил дочку кузнеца Буснара, сына Шеруда, и увел к себе во дворец... Нет, не так! Это не Буснар – сын Шеруда, Шеруд – это жених похищенной девушки. Вон он, худой такой, усатый...

– И чего они хотят? – осведомился Ивор.

– Хотят выволить девушку, а заодно вломить всем тутошним богатеям.

– Правильно! – одобрил Свен.

– Пойдемте, – заторопился Пожиратель Смерти, – надо князю обо всем рассказать.

Инегельда и всю честную компанию они нашли в сторонке от Джума-мечети, под раскидистым карагачем.

– А мы уже все распродали! – похвастался Стегги Метатель Колец, весьма пройдошливая личность.

– Разобрали влет! – гордо подтвердил Алк Ворон.

– Ну, что у вас? – поинтересовался князь, обращаясь к Ивору.

Тот с ходу выложил последние известия.

– Вот попали... – закричал Турберн.

– Только заварушки нам еще и не хватало... – озабоченно сказал Боевой Клык.

– А может, нам как раз повезло? – осторожно предположил Олег. – Если простонародье поперет на Верхний город, это отвлечет внимание от гавани. Даже если у нас что-то не заладится, подкреплений эмир не пришлет – штурмующие никого не пропустят. Да и не до гавани будет эмиру, ему бы задницу свою спасти! А мы под шумок войдем в город.

– Точно, – поддержал его князь. – Пускай штурмуют. Если ворвутся за стену, мы войдем следом. Если не смогут, все равно половину работы они сделают за нас!

– Верно, – кивнул Железнобокий. – Нам в Нижнем городе ловить нечего, золотишком брякают в Верхнем.

– Значит, – внушительно сказал Боевой Клык, – начинаем, как и было задумано. Так, Ивор, Олег и ты, Турберн, отправляетесь к гавани. Когда стемнеет, заберетесь на башню и подадите знак Халегу. Ответят – спускайте цепь. Свен и Алк, давайте и вы туда же – приглядите за вахтенными на кораблях, чтобы шуму не подняли, стражу поможете снять. Не двое же их там стоят... Отправляйтесь сейчас же, пока эмир не приказал ворота запереть! А мы тут ждать будем. Появитесь под стенами – мы отопрем ворота. Все ясно? Расходимся!

Олега князь восхитил – Клык все по полочкам разложил, каждому свой маневр объяснил, и даже не задумался спросить о главном: сможет ли четверка снять портовую стражу? Для ярла было ясно – сможет, конечно! Разве могут быть сомнения?

И четверка Турберна быстренько просочилась за ворота. Сердитый стражник прокричал им вслед, что обратно не впустит.

– Знать, напугали эмира, – хмыкнул Свен.

– Забраться бы к нему в палаты... – мечтательно проговорил Ивор. – Вот уж где богатств, наверное!

– А чего ж не попытаться? – пожал плечами Железнобокий. – Попробуем...

На улицах Дербента стемнело, но город не погружался в сон. Тревога и предчувствие беды витали над улицами его. Не спал Верхний город, по мощеным улицам печатали шаг наемники-гулямы. Богатеи с муллами метались по своим хоромам, не зная, то ли хватать пожитки в охапку и бежать подальше, то ли отсиживаться, потев от духоты и страха.

В Нижнем городе тоже никто не ложился – там горело множество костров, по улицам хороводили факелы. Сдержанный шум доносился из хижин и грозным прибоем достигал дворцов.

Олег, закутанный в темный плащ, мало выделялся из тени. Ремесленники и рыбаки, ткачи и гончары бегали по улице, сталкиваясь и бурно жестикулируя. Вооружены они были как попало – у кого нож в руках, у кого палка, у кого праща и грюкающий запас окатышей. Блестели и топоры, а лучше всех были экипированы кузнецы-оружейники – все в бронях и при мечах. Бунтовщики переговаривались:

– Нишу, волоки бронзу, будем таран делать!

– Да, да! Гулямы заперли ворота и вышли на стены!

– Ждут, сволочи...

– Ничего, брат, дождутся!

– Ох, не к добру это...

– Не трусь, Золтан, они нам за все заплатят!

– А вы чего сидите? Особого приглашения ждете?

– Мы как все...

– Оружие есть?

– Топор...

– Самое то!

– О, Аллах!

– Мира и благополучия, домисто Ишбан! И вы тут?

– Алхамидуллило!³⁸ Куда ж вы без меня, домисто Ваче?

– Эй, народ! А кто у нас главный?

– Шеруд, говорят...

К штурму готовились все – дети стаскивали подручный материал, женщины и старики вязали лестницы и плели щиты из лозы. Пастухи готовили луки к бою, ткачи деловито мастерили копья, мореходы тащили с кораблей метательные палки-фрустибалы, защищавшие от морских разбойников.

– Разворошил эмир осиное гнездо! – сверкнул зубами Турберн и поглядел в небо, сверяясь со звездными часами. – Пора!

* * *

Варяги шли быстрым походным шагом, по пустырю припустили бесшумным бегом. Оставив в стороне припортовую мечеть, сложенную из окатанных морем камней, выдвинулись к громадной восьмиугольной башне, стерегущей вход в гавань с правой, южной стороны. Площадка перед башней напоминала плац – ровный, утоптаный и пыльный. Поодаль горело три костра, несколько унылых фигур с копьями стояли у огня. Доносился негромкий говор.

– Ивор, – негромко распорядился Турберн, – бери Свена и займись этими.

³⁸ Алхамидуллило! – Слава Создателю!

- Сделаем.
- Алк, Стегги – к кораблям.
- Пошли мы...
- Олег – за мной.

Олег пополз за Железнобоким. Показались крутые ступеньки, ведущие на стену. Олег оглянулся. В свете костра произошло неясное движение, и стоящий с копьём превратился в лежащего без копья. Сдавленный крик – и еще один улегся.

- Поднимаемся, и к башне.

Олег взобрался по сбитым ступеням на верх крепостной стены. Яркая луна висела над морем, прокладывая «дорожку к счастью». Ступенчатые зубцы бросали чересполосицу теней на выщербленные плиты.

Пригибаясь, Сухов заскользил к башне. Там, где стена примыкала к восьмигранному боку, чернела сводчатая дверь – проем в толстой кладке.

- Осторожно, – сказал Олег, – тут ступени.

Шаря ногой в темноте, он спустился по винтовой лестнице на два «оборота» и попал в луч света, льющегося из узкой бойницы. Бледное сияние выхватило из мрака смутные формы больших зубчатых колес. Тусклый блик дрожал на огромном звене цепи, опутавшей барабан в полтора человеческих роста.

- Факел дать? – спросил сверху Свен. – Ивор зажег уже...
- Не надо, – ответил Олег, нащупав рукоятку. – Сигнал подали?
- Ага! Ивор факелом покрутил, с моря огнем помахали... Близко наши!
- Стражи много было?
- Было! – хихикнул Свен. – И не стало!
- Олег! – окликнул Сухова Турберн. – Разобрался?
- Да вроде...
- Опускай цепь!
- Щас...

Полутроль поднатужился, готовясь приложить большое усилие, но рукоятка пошла легко. Зашелкал храповик, сдвинулись с места шестерни, заскрипели валы, и вот провернулся барабан, загремела великанская цепь, опускаясь на дно.

- Все! До упора.
- Порядок! Пошли наших встречать.

«Разведчики-диверсанты» выбрались из башни и спустились к гавани. По-прежнему горел костер, но грелись у него одни лишь мертвецы. Олег странно почувствовал себя. Эта теплая южная ночь, величественные стены древней крепости, томительное ожидание, угрожающий ропот вдали... Так непохоже на обычную тактику штурма и натиска! Из задумчивости его вывел голос Железнобокого:

- Эй, Полутроль! Глянь-ка, вроде на тебя кольчужка...

Сухов приблизился к Турберну. Пожилой воин снял халат с убитого стража-гуляма. Халат был напаян поперх кольчуги. Кряхтя, Железнобокий стянул броню с мертвяка.

- Ну-ка, примерь!

Без особого желания Сухов сунул голову в тяжелый ком скрипучих стальных колечек, продел руки в рукава. Кольчуга увесисто легла на плечи, опадая до середины бедра.

- Длинная, – удовлетворенно заметил Железнобокий. – На-ка вот...

Он протянул Олегу ком поменьше размером – это был кольчужный капюшон.

- Во! Может, и шлем подойдет?

Сухов попробовал нахлобучить на голову круглый шлем с острым навершием – копия русского шишака образца века тринадцатого, – но, увы, шлем не налезал.

- Не мой размерчик, – вздохнул Олег.

Турберн коротко хохотнул.

– Ничего, – сказал он, – скоро будет что примерять!

– Это точно...

Опясавшись мечом, Сухов почувствовал себя куда бодрее. Кольчуга – это вещь!

– Наши! – прошипел Свен.

Между двух башен в гавань Дербента входила русская лодья. Лунный свет выбелил оскаленные клыки на драконьей голове, блеснул по вывешенным щитам, а после заиграл каплями, сыпавшимися с мокрых весел.

– «Пардус»! – опознал лодью Ивор.

– А вот и «Вейла», – добавил Свен. – И «Сокол» наш!

Одна за другой вошли все шестнадцать лодий, заскрипели киями по гальке, притерлись бортами к причалам.

Турберн издал глухой переливчатый свист, и варяги, во множестве полезшие через борта, поперли на звук.

– Ты, Железнобокий? – донеслось из темноты.

– А то кто же... – было ответом.

Коротко посвятив форингов в ситуацию, Турберн повел варягов за собой.

– Сотни Асмуда, Каницара и Актеву охраняют лодьи. Приказ князя Инегельда!

Поворчав, названные отделились, рассыпались по берегу, а основная масса, почти полторы тысячи бойцов, пошагала через пустырь к Северной улице.

В темноте Олег не нашел экипаж «своей» лодьи и пристроился ближе к авангарду, топая рядом с Ивором и Малюткой Свенем.

– Гуляем, братцы! – донеслось из рядов.

– Прогуливаемся, – подхватил другой голос.

– Свежим воздухом дышим.

– Га-га-га!

Каменная стена справа тускло отсвечивала в лунном сверкании, а в домишках, теснившихся слева, огни не горели. То ли спали жители, то ли притаились, гадая, что будет. «А что будет? – мелькнуло у Олега. – Что везде было, то и здесь будет – кровь пустим Дарбанду и свое возьмем. А если город отбрыкиваться станет и оказывать сопротивление, большая кровь хлынет...»

Он прислушался – за топотом и шарканьем дружины узнавались иноязычные крики, лязг и ритмичное грохотанье.

– Не иначе, ворота высаживают, – догадался Ивор.

Варяги вывернули на широкую поперечную улицу, делившую Дербент на Нижний и Верхний город. Судя по всему, вся улица была запружена народом. Люди ревели нестройным хором, требуя выдать Ферузу, дочь Бусснара, угрожающе качали копьями и прочим убойным инструментом.

Два десятка дюжих молодцев били в ворота Верхнего города здоровенным брусом. Ворота скрипели и качались.

По всему верху поперечной стены горели костры, на огнистом фоне мелькали черные силуэты гулямов. Их толстый командир драл глотку, сильно тужась:

– Р-разойдись! А то я за себя не отвечаю! Разойдись!

В толпе народа оглушительно засвистели, и град камней обрушился на командира, сгоняя его под прикрытие каплевидных щитов охранников.

И вдруг ворота пошли раскрываться, пока не распахнулись настежь. Бунтовщики обомлели, а в проеме ворот показался князь Боевой Клык. На секунду зависло молчание, и Олег воспользовался подходящим моментом. Набрал воздуху в грудь, он проревел по-арабски:

– Мир хижинам! Война дворцам!

Толпа завывала, заколыхалась и ринулась в ворота – светлый князь едва успел спрятаться за створкой. Темной, неразличимой массой бунтовщики помчались по Средней улице, сминая растерянных гулямов, и грозным человеческим приливом докатились до стен цитадели-кухендиза.

Князь Инегельд вышел из ворот на свет костров и вскинул руку с мечом.

– Город наш! – протрубил он.

И варяги, скрытые ночной тьмой, заорали во все глотки, вторым цунами разливаясь по улице и переулкам, убивая и калеча редких защитников Дербента, потерявших от двойного набега, круша секирами резные двери, вламываясь в богатые усадьбы, громя все вокруг, вспарывая животы слугам и домашним, хватая самое ценное, пихая за пазуху ожерелья, браслеты, подвески...

Окна одного из домов внезапно осветились пляшущим оранжевым огнем, языки пламени вырвались из комнат, облизывая стены, забираясь под крышу. Темный переулок стал виден весь, от Средней до Северной улицы.

Олег пробежал мимо одного дома, где уже орудовали русы, спешно деля награбленное, миновал другой и ворвался во двор третьего – со спины он узнал Ивора Пожирателя Смерти. Сухову навстречу выскочил верезжающий мужик, бритоголовый, в одной набедренной повязке, но с острым скимитаром в руке. Олег выхватил дареный караджур и нанес удар, не думая, «на автомате». Мужик заклекотал, давясь кровью, и покотился в пыль. Сухов выдохнул.

Переложив караджур в левую руку, он подхватил с земли скимитар. Оружие ему понравилось – арабский меч был почти прям, слегка изгибаясь и расширяясь к концу. Заточен скимитар был, как и караджур, только с одной стороны. Полированное лезвие блеснуло в огнистом свете, выделяя вязь букв, инкрустированную серебром, – что-то о неверном, коего даже алмазный щит не спасет. Увы, спас... А меч хорош... Булат! Пригодится в хозяйстве...

Расслышав крик Ивора, Олег бросился к дому и едва не столкнулся с гулямом, высоким и мощным мужиком в красном халате-чекмене, в медном сияющем шлеме с красными перьями. Гулям с размаху опустил меч. Сухов отпрянул. Отбив выпад дареным клинком, он ударил скимитаром – противник успел отскочить. Упала на землю рассеченная перевязь с ножнами. Гулям едва не запутался в ремне, но успел отпрыгнуть, выругавшись по-русски. По-русски?!

– Сюда все! – заорал гулям на чистом наречии северных озер, лесов и рек.

– Ты – рус? – крикнул Олег.

Гулям изумленно отшатнулся, не опуская меч.

– Ну! – рявкнул он. – Я – Улеб, гулам эмира!

– Слуга?

– Гвардеец! Вы-то кто такие?

– Варяги мы! Я – Олег Полутроль, а князем у нас Инегельд Боевой Клык!

– Клык здесь?! Так чего ж ты молчал?

– Боялся, что ты мне язык срубишь нечаянно, – огрызнулся Сухов, – вместе с головой!

Гулям радостно захохотал. В это время резную дверь спиной вышиб Ивор. Пожиратель Смерти крутанулся, удерживая равновесие, и отступил на шаг, подпуская неприятеля к себе. Тот не замедлил явиться – огромный мрачный детина с рыжими усами, спадающими на грудь, и того же цвета косичками, выглядывающими из-под арабского шлема.

– Стой, Мутур! – крикнул гулям Улеб. – Это варяги Инегельда!

Детина изумленно вытаращился – сначала на Улеба, потом на Ивора – и мигом успокоился, подобрел.

– Предупреждать надо, – пробасил он.

Ивор недоуменно глянул на Олега.

– Это гуламы эмира, – объяснил тот, – они при здешнем правителе как варанги при бази-левсе.

Улеб хмыкнул и демонстративно убрал меч.

– Ладно, – решил он, – мы вам мешать не будем. Наше дело – эмира охранять. Пошли, ребята!

– А чего б и вам не поучаствовать? – подкинул идею Сухов.

– Нельзя, – вздохнул Мутур, – мы клятву давали...

Улеб сумрачно кивнул.

– Ну, тогда, конечно, – развел руками Олег.

Гуламы поклонились и покинули двор. Ивор с Олегом переглянулись. Спросили друг друга глазами: продолжим? И согласно кивнули, достигнув трогательного консенсуса.

Сухов кинулся в дом и взлетел по лестнице вверх, попав в большую комнату, устланную дорогими ширазскими коврами. Со стен свисали шелковые сюзане, расшитые цветами персика и миндаля, на шестигранных столиках лежали серебряные подносы со сладостями. Спотыкаясь о раскиданные по ковру подушки, Олег покрутился по комнате и наткнулся на двух девушек, насмерть перепуганных, – обе разевали дивные ротки, но даже завизжать не сумели, настолько их сковал страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.